

Цена номера:
по подписке — 50 коп.,
в розницу — 70 коп.

Индекс 73755

ISSN 0234 – 1824

Горизонт

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

10

1991

Рисунок ИГОРЯ СМИРНОВА

ISSN 0234 – 1824

ГОРИЗОНТ

10/91 ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928—97—42.

Издательство «Московский рабочий»

Сдано в набор 27.08.91. Подписано к печати 27.09.91. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 60 000 экз. Заказ 2197.
Цена номера: по подписке — 50 коп., в розницу — 70 коп.
Малое издательское предприятие «Горизонт». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

На обложке и вкладках номера: живопись Аллы Кращиной

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ и СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Высшая ценность нашего общества — свобода человека, его честь и достоинство. Каждому обеспечивается реализация его способности к труду и творческого потенциала, активное участие в общественной и государственной жизни. Никакие групповые, партийные или государственные интересы не могут быть поставлены выше интересов человека.

Руководствуясь общими принципами демократии, гуманизма, социальной справедливости и исходя из уроков собственной истории, Съезд народных депутатов СССР принимает настоящую Декларацию.

Статья 1. Каждый человек обладает естественными, необъемлемыми, ненарушимыми правами и свободами. Они закрепляются в законах, которые должны соответствовать Всеобщей декларации прав человека, Международным пактам о правах человека, другим международным нормам и настоящей Декларации.

Все государственные органы обязаны обеспечивать и охранять права и свободы человека как высшие социальные ценности. Осуществление прав гражданином не должно противоречить правам других людей. Каждый человек несет конституционные обязанности, выполнение которых необходимо для нормального развития общества.

Статья 2. Положения Декларации имеют прямое действие и обязательны к исполнению всеми государственными органами, должностными лицами, общественными организациями, гражданами. Все права и свободы, закрепленные в Декларации, подлежат судебной защите.

Статья 3. Все граждане равны перед законом и имеют равное право на защиту закона независимо от национального или социального происхождения, языка, пола, политических и иных убеждений, религии, места жительства, имущественного положения или иных обстоятельств.

Никакие лица, социальные слои и группы населения не могут пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону.

Статья 4. Каждому человеку обеспечивается право на пользование родным языком, обучение на родном языке, сохранение и развитие национальной культуры.

Прямое или косвенное ограничение прав либо установление преимуществ по расовым и национальным признакам не допускается.

Статья 5. Никто не может быть лишен гражданства или права на изменение гражданства.

Каждому гражданину, находящемуся за пределами своего государства, гарантируется правовая защита.

Статья 6. Каждый человек имеет право на свободу слова, на беспрепятственное выражение мнений и убеждений и распространение их в устной или письменной форме. Средства массовой информации свободны. Цензура не допускается. Идеологическая, религиозная, культурная свобода гарантируется. Не должно существовать никакой государственной идеологии, вменяемой в обязанности граждан. Никто не может быть подвергнут преследованию за свои убеждения.

Статья 7. Свобода совести и религии гарантируется. В соответствии со своими убеждениями каждый имеет право свободно исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, распространять религиозные или атеистические взгляды, заниматься религиозным или атеистическим воспитанием и образованием детей. Гарантируется свобода отправления религиозных обрядов.

Статья 8. Граждане имеют право собираться мирно и без оружия, осуществлять свою общественную активность в форме митингов, собраний, уличных шествий и демонстраций, в соответствии с законодательством Союза ССР и суверенных государств.

Статья 9. Граждане имеют право объединяться в политические партии, профессиональные союзы и другие общественные организации, участвовать в массовых движениях. Права, свободы и достоинство лиц, составляющих оппозиционное меньшинство в политических партиях, общественных организациях, массовых движениях, а также в представительных органах власти, гарантируются законом.

Статья 10. Каждый человек в соответствии со своими способностями, профессиональной подготовкой имеет право равного доступа к любым должностям в государственных органах, учреждениях и организациях.

Статья 11. Каждый гражданин имеет право свободно избирать и быть избранным в органы власти на основе всеобщего, равного избирательного права при тайном голосовании, непосредственно участвовать в решении государственных дел, в том числе путем референдума.

Статья 12. Каждый человек имеет право на получение полной и достоверной информации о положении дел во всех сферах государственной, экономической, общественной и международной жизни, а также по вопросам прав, законных интересов и обязанностей.

Опубликование законов и других нормативных актов является обязательным условием их применения.

Статья 13. Неотъемлемым правом каждого человека является право на жизнь. Никто не может быть произвольно лишен жизни.

Государство защищает от незаконных посягательств на жизнь, здоровье, личную свободу и безопасность.

Статья 14. Каждый имеет право на охрану своей чести и репутации, защиту от любого произвольного вмешательства в сферу личной жизни.

Статья 15. Неприкосновенность личности гарантируется.

Никто не может быть подвергнут аресту или незаконному содержанию под стражей иначе как на основании судебного решения или с санкции прокурора. В случае ареста или содержания под стражей гражданин имеет право на судебную проверку и обжалование этих действий. Каждый человек, привлекаемый к ответственности за правонарушение, считается невиновным, пока его вина не будет установлена судом в рамках надлежащей правовой процедуры. Право на защиту гарантируется.

Статья 16. Каждый человек имеет право на справедливое и открытое разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом.

Статья 17. Все лица, лишенные свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение их достоинства. Никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство наказанию.

Статья 18. Неприкосновенность жилища гарантируется. Никто не имеет права войти в жилище и проводить обыск или осмотр против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях и порядке, предусмотренных законом.

Статья 19. Тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений и использование других средств связи гарантируется.

Изъятия из этого правила допускаются лишь в случаях и порядке, предусмотренных законом.

Статья 20. Брак основывается на добровольном согласии и равноправии женщины и мужчины. Семья, материнство и детство находятся под защитой государства.

Статья 21. Каждый человек имеет право на свободное передвижение внутри страны, выбор местожительства и местопребывания. Ограничения этого права могут устанавливаться только законом.

Граждане имеют право покидать свою страну и возвращаться в нее, не могут быть высланы из страны.

Статья 22. Каждый имеет право судебного обжалования незаконных действий должностных лиц, государственных органов и общественных организаций, а также право на возмещение морального и материального ущерба.

Статья 23. Каждый человек имеет право на труд и его результаты, включая возможность распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду, право на свободный выбор работы и отказ от работы, на благоприятные условия труда, на гарантированный государством минимум оплаты труда и на защиту от безработицы. Каждый без какой-либо дискриминации имеет право на равное вознаграждение за равный труд.

Трудящиеся имеют право на защиту своих экономических и социальных интересов, на ведение коллективных переговоров, а также право на забастовку. Принудительный труд запрещен законом.

Статья 24. Каждый человек имеет право на собственность, то есть право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, как индивидуально, так и совместно с другими лицами. Право наследования гарантируется законом. Неотчуждаемое право быть собственником является гарантией осуществления интересов и свобод личности.

Статья 25. Каждый человек имеет право на достаточный и достойный жизненный уровень, улучшение условий жизни, социальную защищенность. Гарантируется право на отдых, на социальное обеспечение в старости, в случае болезни и утраты трудоспособности, утраты кормильца, при рождении ребенка.

Статья 26. Каждый человек имеет право на образование. Начальное образование обязательно. Профессиональное, среднее специальное и высшее образование должно быть доступным для всех в соответствии со способностями каждого. Обучение в государственных учебных заведениях бесплатно.

Статья 27. Каждый человек имеет право на поддержку государства в получении и постоянном пользовании благоустроенным жилым помещением в домах государственного или общественного жилого фонда, в индивидуальном жилищном строительстве. Никто не может быть произвольно лишен жилища иначе как на основаниях, установленных законом.

Статья 28. Каждый человек имеет право на охрану здоровья, включая бесплатное пользование широкой сетью государственных учреждений здравоохранения.

Статья 29. Человек имеет право на благоприятную окружающую среду и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическими нарушениями.

Статья 30. Осуществление прав и свобод несовместимо с действиями, причиняющими ущерб государственной и общественной безопасности, общественному порядку, здоровью и нравственности населения, защите прав и свобод других лиц.

Статья 31. Право народов на самоопределение не должно входить в противоречие с правами и свободами человека, провозглашаемыми настоящей Декларацией.

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Москва. Кремль. **5 сентября 1991 года**

Виталий Свинцов

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ или ВОЛКОБРЕВНИЗМ ПО-СОВЕТСКИ*

Загнали волки зайца, разорвали и съели. Решили некролог в «Правду» послать. Да заспорили, как подписывать. «Волчья стая» — очень уж грубо звучит, очень недобро. Думали-думали и подписали просто: «Группа товарищей».

Анекдот

Отчуждение, отчуждение, отчуждение... Не со школьной, так уж наверняка со студенческой скамьи пугали меня этой капиталистической бякой — отчуждением. Отчуждением работника от средств труда и от произведенного продукта. Отчуждением политической власти от трудящихся. Отчуждением культуры, науки, искусства от народа. Наконец, худшим из отчуждений — отчуждением людей друг от друга. Неизвестно разве, кем является человек человеку там, за бугром? Вот то-то и оно-то. Волком.

Не случайно же и в «Законе о собственности в СССР», принятом совсем недавно, в самый разгар перестройки, частная собственность допускается лишь в тех формах и масштабах, которые исключают две вещи — эксплуатацию и отчуждение. С эксплуатацией, правда, в последнее время обозначился некий конфуз, поскольку выяснилось, что прибавочный труд рабочего при социализме существенно превышает такой же труд западного пролетария. Так что «эксплуатация» как-то незаметно улетучилась из разговоров о капитализме-социализме. А «отчуждение» осталось.

Проблема отчуждения — едва ли не последний оплот современного коммунизма. Выцветшее знамя марксистской теории все реже выносится на политическую сцену, да и то лишь для поддержания идеологического тонуса в стане твердокаменных защитников завоеваний социализма. Эпохальные открытия Карла Маркса — «Закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил», «Закон абсолютного и относительного обнищания рабочего класса» и еще пара-тройка каких-то там законов — оказались кабинетной пустышкой. За последние десятилетия «несоответствующие» капиталистические отношения не только создали фантастические производительные силы, но и смогли обеспечить рядовому труженику такой жизненный уровень, какой и не снился социалистическому академику или даже секретарю обкома правившей партии.

Пусть так, вроде бы соглашаются марксисты, великий учитель здесь слегка просчитался; но есть пункт, в котором Маркс был и остается

---

* Из цикла «Этюды о коммунизме». Этюд третий. Первые два были напечатаны в №№ 8 и 9 «Горизонта».

прав. Неоспоримо, что частнособственническое хозяйство и вся основанная на нем цивилизация не могут освободиться от этого ужасного проклятья, от этой беды — отчуждения. Так говорят марксисты, ссылаясь на работы «раннего» Маркса. Ибо, да будет известно непосвященному, именно «ранний» основоположник особое внимание уделял проблеме отчуждения — в отличие от «позднего», скомпрометировавшего себя перед будущим и открытием вышеупомянутых законов, и еще более тем, что слишком торопливо, слишком преждевременно пропел отходную частному капиталу.

Надо сказать, что явная или неявная неприязнь к отчуждению глубоко укоренилась в сознании советского человека. Даже всегда далекие (или отдалившиеся в последнее время) от марксизма люди подчас склонны считать: «Знаешь, старик, в этом что-то есть». Возвращаясь из длительных вояжей по загнивающему в своем изобилии Западу и трудно реадаптируясь к очередям и чудовищным общественным туалетам, они частенько поругивают тамошнего обывателя: «Мелочен, меркантилен, лишнего цента не потратит, замкнут в своих материальных, потребительских заботах, вот даже и в ресторане каждый, представьте только, платит сам за себя. Одним словом, старик, что там ни говори, а отчуждение оно и есть отчуждение...»

Самое удивительное состоит в том, что хотя об отчуждении написаны тысячи статей, сотни монографий и, разумеется, диссертаций, никто толком не может объяснить, с чем это едят. В энциклопедиях и словарях (имеются в виду издания последних лет) встречаем такие примерно невнятные дефиниции отчуждения: «Социальный процесс, присущий классово антагонистическому обществу и характеризующийся превращением деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему... Социализм уничтожает коренные источники отчуждения, а его полное и окончательное преодоление осуществляется с построением коммунизма».

Можно было бы вдосталь поиронизировать над последним высказыванием, хоть и горькая это ирония. Ведь мало где в мире изоляция труженика от средств и результатов труда (ни тому, ни другому не был он хозяин) достигала размеров той зияющей пропасти, что существовала в стране победившего социализма с ее лагерным рабством и колхозным крепостничеством. Но оставим иронию. В конце концов дело не в том, какое отчуждение лучше или хуже — капиталистическое или социалистическое. Дело в самом понятии отчуждения. Крайне неопределенный его смысл — в «раннем» ли, в «позднем» ли, в современном ли марксизме (постмарксизме или неомарксизме, как иногда говорят) — не позволяет с должной четкостью спроецировать это понятие на статус труженика в современном мире. Прежде всего, разумеется, на экономический статус.

Теперь уже вряд ли нужно доказывать, что вся марксистская экономическая наука была идеологизирована и на этой базе возникло множество умозрительных, сугубо кабинетных построений. Главное из них — некорректное противопоставление экономического коллективизма как абсолютного блага — экономическому индивидуализму как абсолютному злу. «Истоки отчуждения,— читаем опять же в одном из энциклопедических словарей,— в относительной обособленности индивидов в производстве.» Исходя из этого положения и перекроили народное хозяйство сначала на одной шестой земной тверди, а затем и в других странах, где якобы произошла социалистическая революция (советские историки с успехом доказали, что, скажем, и присоединение Прибалтики к СССР по сути было ни чем иным, как именно социалистической революцией). И лишь тогда, когда десятилетия коммунистического труда завели в очевидный экономический тупик, когда вместо предсказанного «классиками» и стократно проталдыченного на партсъездах всеобщего кризиса капитализма наступил развал так называемой социалистической системы, когда выявились красноречивые итоги поставленного самой историей почти идеально чистого эксперимента по сравнению двух экономик — ГДР и ФРГ, Северной и Южной Кореи и других,— лишь после всего этого призадумались: а не восстановить ли задавленный, задушенный экономический индивидуализм в его законных правах?

Увы, к этому времени идея коллективизма была не только реализована в экономических структурах общества, она привела к коренной перестройке массового сознания, к возникновению психологии уравниловки и ничейности. Это и есть самое тяжкое последствие подавления экономического индивидуализма. Отчуждение-то преодолели, но вместе с тем были успешно преодолены такие качества труженика, как динамичность практического мышления, предприимчивость, пластичность личности, ее готовность к самостоятельным решениям и индивидуальной ответственности. Перестала действовать великая «отчужденческая» формула: «Никто з а м е н я не сделает м о е г о дела». Потому что моего — в собственном смысле слова — дела не было. Как не было и незаменимых. А ведь только на таких и н д и в и д у а л и с т и ч е с к и х установках и строится жизнеспособное общество.

Обратимы ли эти перемены в массовом сознании — Бог весть. До сих пор инерционные силы коллективистского притяжения и невнятица так называемого коммунистического труда не позволяют человеку делать именно ту — по призванию или жизненной необходимости — работу, которую «за него не сделает никто». Тяжко сегодня приходится возрождаемому экономическому индивидуализму: бюрократические отписки в адрес презренных частников, неоправданно высокие налоги, стена, воздвигаемая колхозно-совхозным руководством перед фермерами и арендаторами, поджоги усадеб... За всем этим — не только сопротивление административно-командной системы, но и свойственная массовому сознанию родная коммунистическая установка на коллективизм. Сам, мол, виноват, браток, не надо было того... отчуждаться.

Но только ли в экономике некорректно противопоставлять друг другу коллективизм и индивидуализм как соответственно доброе и злое начала? После безудержного поклонения идолу коммунистического коллективизма не следует ли наконец понять, что «относительная обособленность индивидов» (см. приведенную выше цитату) есть вообще естественное состояние любого социума?

Не надо так уж бояться слова «отчуждение». Подобно тому, как единство материального мира базируется на взаимосвязанных, но не сливающихся элементарных частицах, во взаимодействии социальных атомов — индивидов силы притяжения должны уравновешиваться силами отталкивания. Человеческое общество одновременно и целостно и дискретно. И с этой точки зрения феномен отчуждения должен быть реабилитирован, признан нормальным атрибутом здорового общества. Живя и работая плечо к плечу с себе подобными, человек в то же время в определенном смысле всегда один. Особенно отчетливо это выражено в фактах рождения и смерти. «Что же на одного? — пел Владимир Высоцкий.— На одного колыбель и могила.»

Добавим к этому, что и совесть человеку дана — на одного.

Между тем фетишизация коллективизма (с одновременным подав-

лением «буржуазного» индивидуализма) привела к гибельным последствиям не только в экономике. Обобществление не ограничивалось средствами производства, одновременно обобществлялись и человеческие души. Коллективизация охватила не только землю и имущество, происходила также коллективизация совести. Эта тема нуждается в специальном рассмотрении. Здесь достаточно отметить, что совесть человека по природе своей «отчуждена» от суеты и злобы дня (Н. Бердяев считал ее точкой соприкосновения человека с вечным, с Богом) и потому способна удерживать от многого, к чему неотвратимо, казалось бы, влечет коллективистский водоворот. Индивидуальная совесть достаточно неудобна для «вождей», озабоченных решением разного рода грандиозных задач — расовым ли, мировым господством, тем ли, чтобы загнать людей во всеобщее счастье. Чтобы устранить это препятствие, совсем не обязательно объявлять совесть химерой, как это сделал Гитлер. Можно решить проблему гораздо тоньше (притом же и «яйцеголовые» не будут негодовать): нужно переложить ответственность за поступки с индивида на коллектив, растворить личную совесть в общественной, групповой.

Не столь важно при этом, каков идейный материал, склеивающий людские души, отнимающий индивидуальную совесть. В злобно-патетических репортажах А. Невзорова о «наших» это идея имперской государственности, маскируемая национальной защитой. Теория классовой борьбы, на основе которой была успешно подавлена «отчужденная» совесть миллионов людей, ничего общего с действительной социальной дифференциацией общества, разумеется, не имела. Однако именно она санкционировала репрессии против «неразоружившихся врагов рабочего класса». И десятки, сотни тысяч околлективленных индивидов — с «неотчужденной» уже совестью — участвовали в пытках и расстрелах, бульдозерами заравнивали многокилометровые могилы, после чего с аппетитом съедали свой паек заслуженно повышенной калорийности.

Стало быть, не отчуждения надо бояться, если понимать под этим нормальную дискретность общества, важнейший из социальных суверенитетов — суверенитет души и совести. Бояться надо вот чего — волкобревнизма.

Данный термин автор хотел бы считать своим посильным вкладом в теорию отчуждения. Впрочем, это почти шутка, ведь речь идет всего лишь о слиянии двух хорошо известных афоризмов (второго и четвертого в приводимом перечне) на тему отношения человека к человеку: 1) Человек человеку — друг (древние римляне), 2) Человек человеку — волк (Т. Гоббс, XVII в.), 3) Человек человеку — Бог (Л. Фейербах, XIX в.), 4) Человек человеку — бревно (В. Розанов, XX в.), 5) Человек человеку — друг, товарищ и брат («Моральный кодекс строителя коммунизма», принятый на XXII съезде КПСС). Здесь опущены аргументация и другие исторические детали, которыми сопровождалось появление приведенных афоризмов; комментарием же к последнему пусть послужит все нижеизложенное.

Из пессимистической оценки природы человека Томасом Гоббсом и мрачноватой вариации Василия Розанова на эту тему я и составил «волкобревнизм».

Каков по своей природе человек — не с большой, разумеется, а со средней, скажем так, буквы? Добрый, злой, миролюбивый, агрессивный? Увы, однозначно обнадеживающий ответ на этот вопрос, как известно, невозможен. Человек противоречив, и фундамент этой противоречивости, с точки зрения некоторых ученых, заложен в мире животных, где также действуют агрессивное и альтруистическое начала (термин «альтруизм», казалось бы, приложимый лишь к человеку, широко распространен в этологии — науке о поведении животных). Эта противоречивость не исключает возможности, а с тем вместе и результативности целенаправленного усиления одного из начал с одновременным подавлением другого. И давно уже не вызывают сомнений особые достижения советского общества в этой сфере, прежде всего его успехи по внедрению в человеческие души идеи классовой ненависти, обоснованной научным коммунизмом.

Я не просто выдумал этот геббсовско-розановский гибрид. Слово «волкобревнизм» представляется мне адекватным отношению «человек — человеку», возникающему в определенных социальных системах. Жестокость и равнодушие хорошо известны. Однако их социальное соединение кажется до известной степени парадоксальным, ибо речь идет вроде бы о психологически несовместимых началах — активном (агрессивность) и пассивном (безучастие). И тем не менее это объединение не только возможно, но и характерно для социумов определенного типа. Какого же именно? Имеется обширная литература, описывающая психологию узника. Из многочисленных профессиональных свидетельств сошлюсь на слова австрийского врача и философа Виктора Франкла (испытавшего, кстати, на себе ужасы фашистского концлагеря): «В итоге можно охарактеризовать психику заключенных в лагере с помощью двух признаков: апатии и агрессии». Характерное соединение «бревнизма» и «волкизма», способность первого трансформироваться во второй подтверждается Варламом Шаламовым. О немногих отбывших «срока» заключенных он пишет, что они «освободились и поступили на службу убивать — десятником, надзирателем, бригадиром, начальником участка... и сами стали убивать своих бывших товарищей».

Не в этой ли психологической модели таится разгадка многих действий «агрессивно-послушного большинства», готового мгновенно сменить безучастие на остервенелую ненависть?

Десятилетиями мы искали отчуждение, жестокость и равнодушие только в капиталистическом мире. А, как пелось в известной бодрой песенке, кто ищет, тот всегда найдет. Наши издательства переводили те произведения Д. Стейнбека, Э. Колдуэлла или, скажем, У. Фолкнера, в которых рисовались одиночество, разобщенность американцев в условиях действия «волчьих законов капитализма». В середине 30-х годов, когда в интересах строительства коммунизма разрешено было временно соединить «русский революционный размах» с «американской деловитостью», Илья Ильф и Евгений Петров, посетив США, написали свою «Одноэтажную Америку». Один из основных мотивов этой книги, которая и сегодня читается с интересом,— доброжелательность американцев, их открытость, готовность дать добрый совет, подвезти (бесплатно) незнакомого человека на своей машине и так далее. Все это припомнилось в период очередного обострения волкобревнизма, на этот раз — борьбы с «космополитизмом». И даже уже в 1961 году, когда с авторов было снято «малое отлучение» («великое отлучение», к счастью, не коснулось Петрова, а наиболее соответствующий роли «космополита» Ильф к тому времени уже умер), комментатор первого после остракизма издания этой книги упрекнул ее в отсутствии той «широты и политической прозорливости», которой отличался, например, В. Маяковский...

Человек противоречив, и доброе начало в нем никогда не погибнет. Тот же В. Франкл, отвечая на вопрос, что есть человек, написал: «Это существо, которое изобрело газовые камеры, но это и существо, кото-

рое шло в эти газовые камеры с гордо поднятой головой и с молитвой на устах». Не следует предаваться безысходному пессимизму. Сегодня советский волкобревнизм далеко не тот, каким был в 20-е, 30-е, 50-е годы. И все же...

И все же подпитываемый большевистской психологией ненависти и полускотской жизнью он все еще силен в массовом сознании и подсознании. Хронологически и духовно общество не так далеко ушло от прошлого. От официально оправданного новочеркасского расстрела. От травли инакомыслящих, ссылки Сахарова, изгнания Солженицына (а чего стоит один тот факт, что громче всех «Распни его!» кричали главные инженеры и старшие сантехники человеческих душ). От той сентябрьской ночи, когда 270 безвинных жизней, и среди них женские и детские, по равнодушной команде были прерваны ракетным ударом и вместе с обломками «Боинга» отправлены на морское дно. И уже вчера были Тбилиси и Вильнюс, и уже сегодня бесчинствуют «черные береты».

Так что не будем особенно обольщаться. По-прежнему товарищ Волк готов в любой момент отдать приказ.

Выполнит ли этот приказ товарищ Бревно?

УРОКИ МУЗЫКИ

Дело прошлое: песенка спета
и осталась вдали, за чертой.
Но России без музыки нету,
и вопрос лишь один —
без какой?

Пусть в болотистой жиже погибли
звуки лучшие, чуть оплошав,
но звучали уверенно гимны
там, где лидеры
разных держав

улыбались глазам телекамер,
ликование вызвав и гул,—
там картинно поблизости замер
наш почетный младой караул.

И, подвластный особому мигу,
впившись взглядом
лишь в точку одну,
проходили бойцы — под музыку,
как говаривали в старину.

Похвальба. Музыкальные оды.
Гром да гром — что литавры, что бас.
Но с чего ж это сонная одурь
поселялась уверенно в нас?

Чтоб ни делали люди — пустое,
и луна — вполовину пуста.
Пресловутый «период застоя»
наступил, по всему, неспроста.

Никакого огня и накала.
Где?.. Какая поставлена цель?..
Хорошо еще — не умолкала
Ростроповича виолончель.

Михаил НАЙДИЧ

Игорь Бестужев-Лада

ПАМЯТИ ЧААДАЕВА*

(Только для русских!)

Чувство, которым проникнут весь отрывок (так Чаадаев называет свою «Апологию сумасшедшего» — Авт.), нисколько не враждебно отечеству: это глубокое чувство наших немощей, выраженное с болью, с горестью,— и только... Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы.

П. Я. ЧААДАЕВ

I

В 1836 году в журнале «Телескоп» было опубликовано «Философическое письмо», которое потрясло мыслящую Россию больше, чем любая публикация в наших журналах и газетах за последние (1985—1991) семь, а может быть и семьдесят семь лет. Автор сразу же получил высшую в России правительственную «награду»: по указанию тогдашнего «сталина» был официально объявлен сумасшедшим и навсегда лишен права печататься.

С точки зрения любого фамусова или лигачева, автор и впрямь был сумасшедшим. Блестящий и — что по сей день редко бывает — очень умный офицер лейб-гвардии, которому в 26 лет светило флигель-адъютантство, задолго до тридцати — генеральские эполеты, а возможно, и графский титул в придачу к министерскому посту, вдруг подает в отставку. И из-за чего! Добро бы, из-за большого наследства или выгодной женитьбы, как обычно водилось. Так нет же! Просто в знак протеста против элементарного хамства. И кого! Царя!

Ну видели ли вы хоть одного здравомыслящего человека, который возмутился бы привычным хамством вышестоящего!

Может ли здравомыслящий человек чуть ли не с самого начала примкнуть к движению декабристов, а затем отойти от него и назвать все происшедшее в декабре 1825 года «громадным несчастием, отбросившим нас на полвека назад»! Может ли прямо-таки пифийски, как Нострадамус, написать: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники», предрекая тем самым будущую судьбу «стран победившего социализма»!

Наконец, может ли человек в своем уме после нескольких лет пребывания за границей, имея полную возможность остаться там после отставки и составить себе мировое имя в философии XIX века (с французским языком, в отличие от наших докторов философских наук, никаких проблем!), вдруг ни с того, ни с сего вернуться в страну, где, как известно, только черт может дернуть человека родиться с талантом, естественно, схлопотать вышеупомянутую «правительственную награду», а засим двадцать лет — до самой смерти — подражать Чацкому, выступая с проповедями своих взглядов в светских салонах Москвы! Ведь это не многим разумнее, чем пытаться выступать с «недиссертабельными» сюжетами в любой академии наук или, того хуже, в Союзе писателей (художников, композиторов и т. д.)...

Правда, справедливости ради надо сказать, что этот «сумасшедший» по гроб жизни пользовался такой популярностью и таким уважением (даже со стороны оппонентов!) среди всего мыслящего в России, что ему мог бы позавидовать любой здравомыслящий, до царя включительно.

Да и не чудо ли: человек, подобно Грибоедову, взошел на Олимп русской истории XIX века не многотомием, а одним-единственным произведением. И даже не бессмертной комедией, а всего-навсего статьей в журнале! (За ней, правда, последовало еще несколько, но вся суть заключалась уже в первой.) В отличие от Грибоедова, произведение которого мы поняли настолько хорошо, что любые попытки давать «Горе от ума» без необходимых аксессуаров александровской эпохи совершенно правильно квалифицируются как вопиюще антисоветские,— письма официального сумасшедшего по фамилии Чаадаев нами до сих пор понимаются с величайшим трудом. Вернее сказать, только-только начинают пониматься как следует. И когда поймем в полной мере, возможно, воздвигнем автору если не памятник на Чистых прудах, то хотя бы бюст у дома, где он жил.

За какие же мысли человек был официально объявлен в буквальном смысле умалишенным! Судите сами.

«Одна из наиболее печальных черт нашей своеобразной цивилизации заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом далеко отставших от нас. Это происходит оттого, что мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода... То, что в других странах уже давно составляет самую основу общежития, для нас — только теория и умозрение...

Речь идет еще вовсе не о моральных принципах и не о философских истинах, а просто о благоустроенной жизни, о тех привычках и навыках сознания, которые сообщают непринужденность уму и вносят правильность в душевную жизнь человека... У нас ничего этого нет. Сначала — дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унизительное чужеземное владычество, дух которого унаследовала наша национальная власть... Если мы хотим занять положение, подобное положению других цивилизованных народов, мы должны некоторым образом повторить у себя все воспитание человеческого рода. Для этого к нашим услугам история народов и перед нами плоды движения веков...

Что у других народов обратилось в привычку, в инстинкт, то нам приходится вбивать в головы ударами молота... У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что не вытекает из них, а является к нам Бог весть откуда...

Все народы Европы имеют общую физиономию... Каждый отдельный человек пользуется там своей долей этого наследства, без труда и чрезмерных усилий он набирает себе в жизни запас этих знаний и навыков и извлекает из них свою пользу. Сравните сами и скажите, много ли мы находим у себя в повседневном обиходе эле-

---

* От редакции. Эта статья была написана еще до событий 19—21 августа 1991 года, но мы решили не менять в ней ни строчки, дабы избежать обвинений в конъюнктурщине и дать возможность читателю самому судить о степени убедительности соображений автора, независимо от перипетий быстротекущей жизни.

Автор просил дополнительного объема для своей работы, чтобы полнее сказать о положительных чертах народа, к которому принадлежит сам и без которого не мыслит своей жизни. Тем более, что на Чаадаева сегодня частенько любят ссылаться в кругах, далеких от демократических. Но по нашему мнению, в статье об этом сказано достаточно, а объясняться в любви к собственному народу — это, наверное, тема особой статьи.

ментарных идей, которыми могли бы с грехом пополам руководствоваться в жизни! Хотите ли знать, что это за идеи! Это — идеи долга, справедливости, права, порядка. Они родились из самих событий, образовавших там общество, они входят необходимым элементом в социальный уклад этих стран...

То же самое начало, благодаря которому мы иногда бываем так отважны, делает нас всегда неспособными к углублению и настойчивости... Этому равнодушию к житейским опасностям соответствует у нас такое же полное равнодушие к добру и злу, к истине и ко лжи, именно это лишает нас всех могущественных стимулов, которые толкают людей по пути совершенствования...

Даже высшие классы у нас, к прискорбию, несвободны от тех пороков, которые в других странах свойственны лишь самым низшим слоям общества...

Призрачная мечта о совершенстве, которую лелеют философы и которую опровергает каждая страница истории,— пустая игра ума, способная удовлетворять только материальные потребности человека (Здесь автор явно погорячился.— Ред.) и поднимающая его на известную высоту лишь затем, чтобы тотчас низвергнуть в еще более глубокие бездны...

И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся».

Прошу прощения за пространное цитирование, но не кажется ли вам, что если бы не прекрасный русский язык (даже в переводе с французского!), то можно было бы подумать, что все это написано не 1 декабря 1829 года, а любого числа года 1991-го! И если не кем-то из нас — слово в слово, один к одному! — то, во всяком случае, именно о нас. Здесь и сегодня.

Здесь и сегодня вряд ли уместно разбирать всю сложность мировоззрения Чаадаева. Одно несомненно: он как в воду глядел, когда рассмотрел один из важных источников наших нынешних бедствий. Этот источник — особенности нашей социальной структуры и социальной психологии, проистекающие из особенностей исторического развития. Иными словами, даже если бы мы приняли и дружно взялись выполнять сколько-нибудь конструктивную программу выхода из кризиса (пока что, увы, дальше туманных протоколов о благих намерениях дело не идет), все равно нас продолжало бы держать за фалды то, что Чаадаев назвал «привычками и навыками сознания».

Таким образом, один из существенных ответов на сакраментальный вопрос «кто виноват!» с чаадаевских позиций гласит: «Наша незатронутость всемирным воспитанием человеческого рода». Или, говоря словами Салтыкова-Щедрина, «некоторые страшные черты нашего народа».

Ну а следующий в этой паре вопрос «что делать!». С тех же позиций ответ сводится к фразе: «Мы должны некоторым образом повторить у себя все воспитание человеческого рода». А это, как ни крути, означает, что мы должны научиться горько стыдиться многого из того, чем привыкли чванливо гордиться. И наоборот, начинать учиться гордиться тем, чего по сию пору как бы стесняемся.

Чего именно!

II

Пишущий эти строки, как, наверное, и большинство читателей, убежден, что нет народов хороших и плохих. Есть только плохие и хорошие люди, их составляющие. Нет также народов великих и малых. Есть разные, с разными чертами, обусловленными историческим развитием. Понятно, но смешно, когда восхваляют какой-то народ за его положительные черты, умалчивая об отрицательных. Не смешно, а отвратительно, когда этим занимается самолично представитель восхваляемого народа. Возмутительно, когда восхваляют какой-то народ в укор и хулу своему собственному. Испокон веков это называлось низкопоклонством, пока слово не было загажено подлостью «борьбы с космополитами» на рубеже 1940—1950-х годов. Что ж, заменим его, ска-

жем, «пресмыкательством». Разве мало его сейчас! Еще возмутительнее, когда хулят какой-то народ, чтобы возвысить свой собственный. Это — общеизвестный шовинизм-национализм, особых комментариев не требующий. Сложнее, когда говорят об отрицательных чертах своего народа, не сравнивая его с прочими, не «уравнивая» с положительными. Тут все зависит от цели разговора. Если просто брюзжание, то, видимо, независимо от возраста, приближается старческий маразм. Если же цель — содействовать искоренению или хотя бы умалению отрицательного, то это, повторим вновь слова Чаадаева, «глубокое чувство наших немощей, выраженное с болью, с горестью,— и только».

Лучше, когда с этим последним каждый народ разбирается сам, без посторонней «помощи». Вот почему предлагаемая вниманию читателей статья о русских предназначена исключительно для русских.

Как водится, сразу же вопрос: «А сам кто!» Отвечаю: русский, из крестьян Саранского уезда Пензенской губернии, где межнациональные браки веками, до 1920-х годов, составляли редкое исключение. Знаю своих предков до восьмого поколения включительно, поэтому если и было где «перекрестное опыление», то разве что во времена «Золотой орды», да ведь это — почти у всех. Не мыслю себя вне своего народа, хотел бы погибнуть вместе с ним, если доведут до полной погибели. И очень хотел бы, чтобы мой народ не просто выжил — воспрянул и влился на равных в общемировую цивилизацию. Поэтому считаю себя вправе говорить о нем то, что думаю.

По профессии — научный работник, каких в Москве более миллиона. Гуманитарий, руководитель научного коллектива, каких в Москве не менее трех тысяч. По специальности — историк, которому более четверти века довелось профессионально заниматься социологией и междисциплинарным социальным прогнозированием. Поэтому думаю, что мои размышления — не просто брюзжание. Они в какой-то мере типичны для людей моего круга и в какой-то мере отражают современное состояние социальных наук (не путать с «марксистско-ленинским обществоведением»).

Как и все мы, «определился», то есть занимаю определенную политическую позицию, хотя с прошлого года — беспартийный. Но в данном случае моя политическая позиция не имеет значения. Не собираюсь «врезать» политсупостатам и бить «своих», чтоб «чужие» боялись. Понимаю, что все излагаемое ниже носит сугубо дискуссионный характер. Ради дискуссии и излагается. Хотелось бы лишь продолжить чаадаевскую традицию — поговорить о том, что же нам и по сей день приходится «вбивать в головы ударами молота», когда у иных-прочих это самое давно «обратилось в привычку, в инстинкт».

Только вот с чего начать!..

Смотрю из окна на заурядный московский двор. Один из многих тысяч. Не какой-то криминогенно-привокзальный или окраинный присказочный: сорок минут ходьбы от Кремля, десять — от Белого дома на Краснопресненской набережной, пять — от «того света» в Хаммеровском центре для «не наших». Двор как двор.

Группками разбредаются от закрытого «винного» алкаши. Их десятки. Иногда, в особо волнующие моменты, по окрестным проулкам их собираются сотни — весомый процент населения микрорайона. Что ж, таких сегодня встретишь едва ли не в каждом крупном городе мира. Только «наши» злее, готовы на все ради опохмелки. Живое олицетворение конечного исхода заживо разлагающегося общества. Впрочем, разве не те же персонажи фигурируют в опере «Князь Игорь» времен тысячелетней давности!

Когда в «винном» появляется водка, очередь часто выстраивается подлиннее, чем в мавзолей. И большинство в ней — не алкаши, а нормальные люди, но многие из них не мыслят на дню никакого дела без предварительного опрокидывания «стакана». «Стакан» принимается и перед тем, как встать к станку, и перед тем, как сесть за руль, перед тем, как начать лекцию о вреде алкоголя. Это — национальная доблесть и гордость, о какой блудословят часами, как «до», так и «после». С ужасающими результатами (примерно в сто раз больше жертв при прочих равных условиях по сравнению с «иначе пьющими»). Все это тоже, как говорится, продукт эпохи. Но разве мы не читывали в классической литературе XIX века про то же самое!

...Очередь постепенно рассасывается, унося драгоценные сосуды. Начинаются застолья. Ежедневных застолий, наверное, больше, чем автомашин на улицах. И все на один манер, детально описанный Чеховым более столетия назад и вот уже более полувека как даже экранизированный. Все умирают со смеху, видя эту ленту на телеэкране. А затем скрупулезно повторяют сюжет собственными силами, так сказать, в порядке художественной самодеятельности. Всюду — от притонов рядом до ЦДЛ в получасе или в ЦДРИ — в часе ходьбы.

Главное, удивить гостей навалом дефицитного съестного. Не беда, что треть его (мировой рекорд!) выбрасывается со стола в мусоропровод: раньше шло на корм скоту, а ныне куда еще девать! И это — под разговоры о надвигающемся массовом голоде. Вы скажете: «А у других!». Но мы же договорились: пусть «другие» сами разбираются с «другими». Нам хорошо бы — хоть меж собой.

Не будем более распространяться о постыдной культуре еды-питья, пропустим не менее постыдную — одежды-жилья (как прямо не относящуюся в данном случае к сути дела), перейдем сразу к культуре труда-быта, общения-досуга.

Вокруг очереди в «винный» стайками крутится мелюзга. Эти в глаза не могли видеть ни застоя, ни, тем более, царизма. Тем не менее, весь разговор: «Ты-ы! Дура-ак!! По морде!!!» И мы помним, что более века назад примерно такого тона держался у Щедрина русский «мальчик без штанов» в беседе с германским «мальчиком в штанах». Никаких изменений за столетие!

Отдельно группируется молодежь постарше. Здесь крику поменьше, зато мата побольше. Самого грязного. У всех, включая юных дев. Снова — национальная гордость и доблесть: мировой рекорд по части степени поругания собственных матерей! И несравненно больше хамства. Любой ценой проехаться за счет другого, справить свою нужду (включая сексуальную), переступить и шагать дальше, к новым свершениям, уже в более зрелом возрасте.

Какие свершения!

Во-первых, поражающая многие народы так называемая необязательность, порою именуемая более точным, исконно русским термином, переводу на другие языки не поддающимся: разгильдяйство. Последнее может варьироваться до бесконечности. Сказал — не сделал. Обещал — не выполнил, не пришел, не позвонил. Или сделал, выполнил, пришел, но так, что лучше бы не делал вообще, век не приходил. Брак — норма. Халтура — норма. Авария — норма. Чернобыль — ... А вы говорите, что Щедрин преувеличивал, говоря о «страшных чертах нашего народа».

Во-вторых, лень, возведенная в ранг еще одной национальной доблести. Жизнь в постоянном ритме: аврал-прострация, аврал-прострация — прямо как у пожарных. Но ведь нельзя же все народное хо-

АЛЛА КРАЩИНА

В Коломне

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ

Заботы и тревоги современности непосредственно соприкасаются с образным миром Аллы Кращиной, отражаясь в тематике произведений, в оттенках их настроений, в сюжетных деталях и реалиях. Художница рассказывает нам о нас, о наших предчувствиях и самопредостережениях с удивительным юмором. Но суть ее искусства составляет поэтика куда более древних времен, чем пора ее собственной жизни. И эта поэтика остается как бы постоянной величиной ее творчества. Она позволяет вне зависимости от характера избранных сюжетов, будь то драматические или трагические ситуации, сохранять чувство красоты мироздания, неизменную веру в справедливость общих законов жизни.

Искусство Аллы Кращиной неотделимо от фольклорных форм и несомненно принадлежит миру традиции народной культуры. Сейчас становится все более очевидным, что в кризисные периоды нашего столетия именно она, великая народная художественная традиция, возвращает искусству чувство радости бытия.

Любая композиция Аллы Кращиной пронизана ощущением неповторимой прелести и свежести каждого момента жизни. У художницы красота вечного и мимолетного сливается. Каждый изображенный сюжет или деталь не отходит в прошлое, но остается неприходящей жизненной ценностью. Перед нами проплывают фигуры, пейзажи, сценки, связанные с веным, развертывается мирное бытие людей в котором каждое движение естественно и обусловлено не только самим человеком, но и всем органическим миром, в котором он живет. Вещи и люди существуют на том уровне бытия, где

Зима

Ловля рыбы

зяйство загнать под пожарную каланчу! Этот укор считается особенно обидным. Ведь когда восхваляют народ, первым делом упоминают о его трудолюбии. Что ж, в своем месте упомянем и мы. Пока же ограничимся замечанием: если сравнить, как обстоят дела на Дальнем Западе и на Дальнем Востоке за нашими рубежами, то эпитет «трудолюбивый» по отношению к нам можно употреблять разве что в насмешку. И надо сказать, сложившееся соотношение трудолюбия наблюдается не с сегодняшнего дня. И даже не с текущего столетия...

В-третьих, стремление прибрать к рукам все подряд, что плохо лежит. У более цивилизованных народов это именуется всего одним словом. На худой конец, выпросить, наконец, обменять, скажем, прекрасную паркеровскую авторучку на многомиллионный контракт, выгодный обладателю авторучки. Все это вещи одного порядка, не вчера замеченные и отнюдь не скандальным исключением являющиеся.

В-четвертых, малейшую любезность проявить или хотя бы менее зверскую физиономию скроить допускается только в трех случаях: либо когда свояк, либо когда «ты мне — я тебе», либо когда нагрянуло начальство. При всех прочих вариантах — хамство дремучее и воинствующее.

В-пятых, образ жизни регламентируется популярным анекдотом: «У соседа корова сдохла. Казалось бы, какое мне дело! А все равно приятно!» Многие народы, особенно малочисленные, отличаются большой силой «сцепления» между людьми, многообразными формами взаимовыручки, взаимоподдержки. У нас, напротив, колоссальна сила «расцепления» Нет более лютых врагов, чем близкие родственники. Что ни трудовой коллектив — серпентарий. Конечная цель и нередко самоцель — гадость-пакость соседу.

Наконец, в-шестых, ярко выраженное желание переносить любые лишения, лишь бы сосед не получил на копейку больше. Об этой черте в последнее время говорилось немало, поскольку она приобрела особенно воинствующий характер при переходе к рынку. Но и она сформировалась отнюдь не в годы советской власти.

Перечень можно продолжать и продолжать. А нужно ли!

Объяснить причины возникновения подобных черт — объясняли многократно. Оправдать — тоже не раз пробовали, но напрасно.

Главное объяснение — патриархальщина в экстремальных условиях социально-политического напряжения (дикое варварство, грубое невежество, свирепое и унизительное чужеземное, а затем и доморощенное владычество, по Чаадаеву). В принципе оно верно. Это нетрудно проверить на примере не только нашего народа. Пока сидят по своим селениям под надзором своих патриархов — все более или менее в порядке. Как только вырвутся на «оперативный простор» — сущие двуногие хищники. Почему мы должны быть исключением из этого правила!

Но ведь сказано: понять — не значит простить. В том числе и себе самим. Ну, допустим, одолели мы все преграды на пути к рынку. Экономику — приватизировали. Политику — цивилизовали. От «свирепого и унизительного» (хуже всякого «чужеземного»!) избавились. Иностранных инвестиций — навалом. Конъюнктура на мировом рынке — прямо как по заказу для нас. И что же! Если мы двинемся на мировой рынок с нашим разгильдяйством, с нормой — браком, с видимостью работы за уже не только видимость зарплаты, с привычной вороватостью и хамством, стремлением «подсидеть» партнера и клиента — далеко ли уйдем против конкурентов с прямо противоположными качествами! Конечно, рынок со временем все расставит на свои места, уберет разгильдяев, поставит в очередь за пособием по безработице

Сразу возникает вопрос: а остались ли среди русских хорошие люди? Отвечаю авторитетно: остались! Некоторые утверждают даже, что их — большинство. Не знаю, не считал. Но за шесть десятков лет своей жизни самолично видел очень многих, не уступающих по уму и порядочности, профессиональной и общей культуре, обязательности и деловитости, гражданственности и самоотверженности никакому другому народу мира. И не только не уступающих, а даже превосходящих. И это не говоря уже о наличии вдобавок привлекательных сугубо русских черт, которые делают сегодня — к великому нашему несчастью — предметом нашего экспорта, наряду с нефтью и лесом, носителей этих черт мужского и особенно женского пола. Вы, конечно, будете смеяться, но такие персонажи встречаются даже среди русских таксистов и официантов, известных в массе своей оголтелой мизантропией.

Если кто-то не верит наличию подобного человеческого материала в самой России — поезжайте в США или Канаду. Там живут стопроцентные русские со всеми положительными чертами русских, но неотличимые от американцев по деловитости, ответственности, культуре еды и питья, одежды и жилья, общения и труда. Вообще неотличимые от тех, кто сегодня на переднем крае мировой цивилизации.

Значит, можем, если хотим! Точнее, если жизнь заставляет... Остается вопрос: каким образом таким людям объединиться?

В плане обычных наших «идей Бог весть откуда» сразу же является идея о новой партии — Партии Порядочных (или Приличных) Людей — ППЛ. Если на каждого нацепить значок типа комсомольского или депутатского, а еще лучше — чернилами на лбу написать, какой он хороший, да еще прикрепить к спецраспределителю — народу набежит побольше, чем в КПСС, ВЛКСМ и ВЦСПС, вместе взятые. Но не вернемся ли мы таким образом к короткому чаадаевскому термину «раб» (только перелицованный)?

А если пойти, как учил один несостоявшийся классик, другим путем?

Сегодня создается все больше разных гражданских сообществ-ассоциаций, гильдий, партий, фондов, просто обществ и так далее, и так далее. Когда-нибудь мы поднимемся до уровня швейцарской гражданственности и поймем, что всякая каста или госнаграда, возвышающая одного принижением других, унизительна для всех поголовно. Когда-нибудь нам не понадобится ВАК, чтобы уличить в жульничестве уважаемых членов ученого совета. Да не понадобятся, наверное, и сами степени-звания. Квалификация будет присваиваться компетентной коллегией, как говорится, по совести. И самым страшным наказанием явится подозрение насчет дефицита совести у квалифицируемого или у квалифицирующих. Так вот, в ожидании столь отрадных времен, не поднять ли нам моральную планку членства в наших общественных ассоциациях, чтобы в них не было места ни пьянице-разгильдяю, ни хаму-холую, ни лентяю-несуну, ни прочим носителям «страшных черт нашего народа»? Надо только поосновательнее оговорить такого рода требования в соответствующих уставах, чтобы минимизировать пространство для произвола и склоки. Может быть, это несколько ускорит тот «естественный отбор», который неизбежно произведет среди нас, русских, беспощадный к любым национальным особенностям рынок!

Иначе новый Чаадаев задастся старым вопросом: не принадлежим ли мы к числу тех наций, которые «как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок»?..

Сергей Шведов

СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ, или ЧЕМУ НАС УЧИЛИ В ШКОЛЕ

Пытаясь разобраться в причинах бед и несчастий, в которых увязает наше общество, имеет смысл обращаться не только к глобальным социальным процессам и важнейшим событиям отечественной истории, но и к вещам самым обыденным, общеизвестным. Именно они чаще всего ускользают от внимания — из-за кажущейся очевидности. Между тем уже сама их обыденность — залог того, что они пронизывают опыт больших социальных групп, определяют способ мышления и стиль жизни целых поколений.

К числу таких предметов с полным основанием можно отнести школьный учебник, особенно для младших классов. Азбука и Букварь занимают особое место в культуре. В них включается только то, что прошло жесткий и многоступенчатый отбор; там не может быть не только ничего сомнительного, но и ничего субъективного, случайного, необязательного. Школьный учебник — это своего рода самый емкий, самый компактный образ культуры.

Пройти этот «краткий курс» обязан каждый; уклониться не дано никому. Даты, события, имена, приведенные в учебниках, нельзя не знать. Всегда можно было по-разному относиться к Павлику Морозову, но трудно представить себе советского человека, который ничего не слыхал бы о пионере-герое... Мы все были повязаны необходимостью это знать, как-то к этому относиться. Такое общее знание и объединяет нас, составляя каркас нашего видения мира, образуя тот тезаурус, из которого мы черпаем слова.

Эта всеобщая причастность и делает школьный учебник таким соблазнительным объектом для исследования социолога. Скупые строки были многократно прочитаны миллионами наших юных соотечественников. «С картинки в твоем букваре» начиналось очень многое и для очень многих. Забыть это невозможно.

За годы советской власти облик школьного учебника менялся многократно и порой неузнаваемо. Сейчас в поле нашего внимания учебник послевоенной поры, с 1946 года и до середины пятидесятых. Во-первых, потому, что несколько поколений советских людей (те, кому сегодня за 40, то есть, социальные группы в поре своей наибольшей общественной активности) учились именно по этим пособиям. И во-вторых, потому, что учебник, о котором речь,— особый, не имеющий аналогов.

Он отличается от дореволюционных учебников, большинство из которых просто, иногда скучно, иногда слащаво-назидательно, рассказывали о том, как устроен мир, окружающий школьника, что ждет его в будущей жизни. Готовили его к поведению в конкретных жизненных ситуациях, к исполнению определенных социальных ролей.

Он отличается от советского учебника 1920—1930-х годов, где помимо солидной идеологической нагрузки, учащимся предлагалось усвоить вполне конкретные навыки. Им сообщались основные сведения по санитарии и гигиене, столь важные в аграрной стране, пытавшейся рывком

приблизиться к индустриальному обществу. Крестьянским детям напоминали, что лучше спать не одетым, вповалку на лавке, а в отдельной кровати; что есть следует из своей посуды, вытираться своим полотенцем, что по утрам надо умываться, в школу приходить к определенному часу. Более старших обучали, как вести семейный бюджет.

Само общество тоже представлялось в роли ученика, которому необходимо преодолеть свою отсталость («наши сохи плохи»); в качестве примера выступал развитый Запад («наша свинья — разоренье для крестьянина; английская свинья — клад для крестьянина»). Подчеркивались преимущества городского жилища перед деревенским, автомобильного транспорта перед гужевым, аккуратного американского коровника — перед грязным отечественным. Общество было устремлено в будущее, но чтобы к нему приблизиться, предстояло многому научиться, многое успеть сделать.

И совсем не то — учебник послевоенный. Это единый, унифицированный, «государственный» учебник. Он выпускался в расчете на всю страну, и никакие отклонения, никакое разнообразие не допускалось. Образец найден, высочайше одобрен и распространен — для всех. Всем предлагается «только самое лучшее, образцовое» — и одинаковое. И в адыгейских школах следует читать про дедушку Мазая; и к молдавским школьникам обращены слова Пушкина: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими» [1].

Да и общество это уже не то, что было в 1930-х: ничему переучиваться не надо, идеал достигнут здесь и сейчас. И уж конечно, Запад не может претендовать на роль образца (борьба с космополитизмом!). И меняются строчки букваря: «Наши кони хороши»..

Главная задача, стоящая теперь перед школьником, не в том, чтобы овладеть конкретными навыками и умениями,— требовалось соответствовать той роли, которую приготовило для него государство, а для этого надо быть послушным, хорошо понимать, чего от него ждут старшие (проявляя «сознательность»). По-прежнему много говорится о будущем, но для его приближения не нужно прилагать какие-то специальные усилия, овладевать специальными знаниями. Будущее гарантировано, обещано и обеспечено самим государством. Низкая проза жизни и разговоры о ведении семейного бюджета неуместны; они не для советского школьника. Перед ним стоят только грандиозные, государственные задачи.

Не будет большим преувеличением сказать, что послевоенный учебник вообще предназначен не для того, чтобы сообщать какие-то полезные сведения и прививать необходимые навыки. Он повествует не о том, что есть, а учит видеть в окружающей действительности то, что должно видеть. И в этом отношении знаменует собой наглядную победу сознания над бытием.

Все содержание учебника, весь его пафос направлены на то, чтобы вырастить особого человека, готового жить только в обстановке наступившего счастья...

Об этом стоит рассказать подробнее.

В учебнике послевоенной поры (проанализировано около ста названий букварей, азбук, книг для чтения, хрестоматий, в качестве дополнительного материала привлекались журналы «Мурзилка» и «Пионер» за те же годы) говорилось о многом. Нет нужды напоминать, как

[1] Эпиграф к Книге для чтения по русскому языку для 7-го класса молдавской семилетней и средней школы. Кишинев, 1950 (автор — С. Бортник).

трактовались там коллективизм, соотношение личного и общественного, советский патриотизм. Мы это хорошо помним. Расскажем о другом.

В мире, представленном на страницах учебника, центральное место раз и навсегда было отведено человеку. Если речь шла о природе, то все животные, как в сказках, разделялись на добрых и злых, полезных и вредных. Хорошие животные помогают человеку, и не только в труде, но и на войне. Так, ручной беркут освобождает пленного хозяина, ударив по темени белогвардейца-конвоира; лошади и собаки не бросают в беде раненых хозяев, вытаскивают их на себе с поля боя. Другие животные — волки, медведи, тигры, змеи — враждебны и несут постоянную опасность. («В городе Сигнахи, в Советской Грузии, к группе игравших детей незаметно подкралась змея длиной в два метра...»; «Тигр из засады напал на монтера, работавшего на телеграфном столбе»). В отношении к таким животным надлежит действовать быстро и решительно. Из детских лет Куйбышева приводится такой эпизод: «Дети увидели змею и бросились бежать. Воля не забыл того, что он хотел быть Суворовым. Он храбро наступил на хвост змеи и схватил ее руками». Позже, правда, выяснилось, что змея неядовитая и, следовательно, большой опасности для детей не представляла.

Во всех хрестоматиях первой половины 1950-х годов приводится один и тот же отрывок из романа Ажаева «Далеко от Москвы», где тракторы колоннами входят в тайгу и валят лес, пролагая просеку: «Скажи, какая беда: гусеницами Мишку раздавил. Не попадайся под горячую руку!» И дальше: «Хозяева тайги еще не понимали, что они должны покоряться человеку без сопротивления. Из зарослей выбежало целое стадо кабанов. Завидя несущееся на них гремящее черное чудовище, они замерли, насторожив уши, злобно захрюкали, задвигали челюстями и, к удивлению Силина, бросились навстречу.— «Какие герои!» — сказал Силин».

Подобное понимание взаимоотношений общества с природой выглядит сегодня неприемлемым и даже диковатым. Но к 1950-м годам идеология «натиска на природу» достигла апогея, и ничего нет удивительного в том, что она пронизывала и школьные учебники.

А мир человека?

Он тоже четко поделен на черное и белое, «наше» и «не наше». В «другом» мире — его можно было бы назвать анти-миром — действуют нечеловеческие законы: товары топят в море, хлеб жгут в печах, живые дети работают манекенами. Все, что лежит за пределами «нашего» мира (а граница проведена предельно четко, совпадая каждый раз с политической картой мира), бесчеловечно. Негров в Америке убивают прямо на улицах, «американские звери» бесчинствуют в Корее, да и в Западной Европе ведут себя не лучше, издеваясь над детьми бедняков, избивая представителей демократической молодежи. Особенно тяжела участь детей: 12-летние подростки не умеют читать, в Англии дети «гибнут от недоедания и болезней», в Индии и Китае они бесправные рабы... Вот так.

Но как ни противоположны эти два мира, между ними нет непреодолимой преграды. Когда советский человек оказывается в этом жестоком, несправедливом мире, он неизменно встречает радостный прием со стороны людей труда, простых тружеников. Его появление вносит в этот мир признаки нормальных человеческих отношений, какую-то надежду и свет. Так, советская командированная выучила несколько слов по-итальянски и обратилась к горничной. Та была поражена и растрогана, ведь никто из гостей с ней до этого не заговаривал (богатые там вообще не считают служащих за людей, подзывая их пощелкиванием

пальцев). «Я впервые почувствовала себя человеком»,— сквозь слезы произнесла горничная...

В рассказе из другой «Книги для чтения» прислуга, работающая у капиталистов, поражена тем, что советская женщина предлагает ей спать на кровати, а не на полу, как ей до того приходилось. Приятно удивлена домработница и тем, что ей в воскресенье полагается выходной. У прежних хозяев ни с чем таким она не сталкивалась... Неудивительно, что в результате во всем мире простые люди смотрят на советского человека с любовью. Когда, например, они узнают, что эти туристы — из СССР, то бросают свои дела, засыпают гостей вопросами, слушают рассказы из нашей жизни, делятся горестями и надеждами. Труппа советского оперного театра оказалась на гастролях в Италии и, путешествуя в электричке, начала петь. Пассажиры не знали русского, наши артисты — итальянского, но песня объединила всех — и профессиональных певцов, и простых итальянских тружеников. Если в порт заходит советский пароход, и наши моряки в белых кителях с золотыми нашивками спускаются на берег (такую картинку можно увидеть в «Мурзилке» тех лет), простые люди сбегаются посмотреть, просто прикоснуться к советскому человеку, подарить что-нибудь в обмен на значок с красным флагом или вырезанную из газеты фотографию Сталина. Нередко при этом выясняется, что наш пароход привез сгущенку, крупу, сахар, медикаменты; рядом, как правило, нарисован американский корабль. На нем доставлено оружие...

В тех случаях, когда возникает хоть малейший намек на соперничество между представителем Советской державы и гражданином даже дружественной страны, победа обязательно оказывается за нами. Токарь-стахановец приехал в Венгрию поделиться передовым опытом. Слушая рассказ стахановца о предельных скоростях, на которых работал его станок, старый венгерский рабочий (то есть воспитанный еще при прежнем режиме) выразил сомнение в том, что такое возможно. Наш токарь тут же снял пиджак, встал к станку и на глазах у сгрудившихся венгерских рабочих показал, как надо обтачивать детали. Все были поражены и спрашивали как он добился такого мастерства. Не зная венгерского, советский токарь сначала был в затруднении, а потом произнес: «Сталин». Ответом все были удовлетворены. Венгерский рабочий подошел и извинился...

Повышенный интерес к советским людям воспринимается как нечто естественное, само собой разумеющееся. Весь мир словно заворожен «советской идеей», связывая с нашей судьбой и свое существование: «И на нас, как на правофланговых, неотрывно смотрит вся земля!» Простые люди за границей думают о Стране Советов непрерывно, даже во время болезни: «Отец был уволен... за то, что в больнице он бредил Москвой и тем, кто лежит в Мавзолее»...

Вместе с любовью приходят признание и авторитет. Иностранный корабль, «как и полагается», первым приветствует встречный советский.

Советский человек — неизменно в центре внимания мировой общественности.

Как бы ни была построена система школьного образования, она должна дать представление о будущем, рассказать о том, как придется жить выросшему школьнику. И эту задачу послевоенный учебник честно выполняет.

Школьнику тех лет держава-победительница гарантировала беззаботное будущее: «Тебя в стране любимой ждут // походы, игры и науки, // и каждый шаг твой берегут // ее заботливые руки». Родина обещала своим сыновьям всегда быть внимательной и нежной матерью; после подаренного Сталиным счастливого детства сама собой должна была наступить благополучная, ничем не замутненная взрослая жизнь. В картинках этого безмятежного будущего и разворачивается главная тема учебника тех лет, ради которой он, можно сказать, и был задуман,— тема счастья.

Мысль о грядущем — а в чем-то, пожалуй, уже наступившем — счастье настойчиво внедрялась в сознание. С ней старшие постоянно, даже несколько назойливо, обращаются к своим воспитанникам: «Хорошо нам с тобою живется»; «Ну, как не запеть, если счастье в руках, и его никому не отнять?»; «Небывало радостными стали // Каждый час, работа и досуг...»; «Мы пляшем, поем и смеемся сейчас; нам радостно жить на земле...»

О чем бы ни шла речь, чем бы ни занимались люди, изображенные на страницах букварей и учебников, неизменно всплывает тема счастья. Например, помещенная в учебниках картина Налбандяна так и называется — «Для счастья народа»; подзаголовок — «Заседание Политбюро». Изображены на картине Сталин с соратниками, они принимают какие-то решения, склонившись над картой...

Тема счастья сопряжена с изобилием. Даже корзину с грибами дети несут из леса, как корзину с яблоками, на плече, сгибаясь под ее тяжестью. Когда во всем достаток, не заставляют себя ждать и награды. Вот, например, строки М. Исаковского: «Хлеба много, хлеба хватит! // И уж скажем прямиком: // Орден тоже был бы кстати // В положении таком... // Он лукаво улыбнется, // Он посмотрит на народ: // Много Швернику придется // Поработать в этот год...»

В наибольшей степени, конечно, ощущается счастье в жизни детей. Усиливается оно в связи с тем, что у всех без исключения вождей чрезвычайно развита любовь к детям: «Ильич встречал их шуткой, // Смеялся громче всех, // Заботливо с их шубки // Отряхивая снег». Доказывать привязанность Сталина к детям нет необходимости: он с ними неразлучен. Но и в жизни Дзержинского (забота о беспризорных), Молотова (подписал указ о передаче Артека детям), Куйбышева, Орджоникидзе, Кирова (достал из кармана и подарил блесну юным удильщикам) есть какой-нибудь ключевой эпизод, показывающий, что все в конечном счете делается ими для детей. Даже Клим Ворошилов, занятый укреплением обороноспособности страны, находит время, чтобы, взяв на колени, посидеть с маленьким «сироткой» Тимуром Фрунзе, вспоминая «любимого друга»...

Да и сам учебник, выдаваемый ребятам нередко бесплатно, служил дополнительным свидетельством заботы о них, благополучия, благоденствия: плотная глянцевая бумага, праздничные цветные иллюстрации. Ни до, ни после учебники в нашей стране не издавались такими яркими и красочными.

Советский человек не раз в своей истории сталкивался с обещаниями земного рая, но не всегда верил им. Никто, наверное, не принимал всерьез хрущевской пропаганды, согласно которой «нынешнее поколение советских людей» должно было жить при коммунизме. Но обещания, полученные в нежном возрасте, в обнадеживающие послепобедные годы, воспринимались куда серьезнее.

...Воспитание по-советски состоялось. Уроки букваря были усвоены. Выращен был определенный тип человека — несамостоятельного взрослого, умеющего существовать только в одном измерении: пребы-

вать в центре внимания, быть объектом всеобщей любви и неослабевающего восхищения. У этого человека повышенная чувствительность к недостатку любви, готовность быстро обижаться на невнимание к себе и своим переживаниям.

Этому, помимо всего выше сказанного, способствовала и чисто женская среда воспитания: от гипертрофированной роли матери в типичных в те десятилетия неполных семьях до сплошь женского состава школьных преподавателей, особенно в младших классах. Хотя в то время творили К. Чуковский (который в школьных учебниках практически не представлен), С. Маршак и С. Михалков, подавляющее большинство стихов для детей сочинено женщинами. В одном только учебном пособии (В. Федяевская. Книга для рассказывания и чтения дошкольникам. М., 1953) среди авторов фигурируют О. Высотская, В. Донникова, А. Кардашова, А. Кузнецова, Н. Калинина, Н. Забила, Е. Долинина, Н. Артюхова, З. Александрова, А. Барто, Л. Воронкова, Н. Саконская, М. Пожарова, Е. Таряховская, М. Познанская, В. Осеева. Вместо ориентации на взрослые роли ребенок приучался к тому, что и во взрослом мире он окажется в качестве объекта постоянной заботы и поддержки. Мир должен был всегда быть наполнен материнским пониманием и любовью

И вот этому человеку приходится жить в наших сегодняшних обстоятельствах, которые в подробных комментариях не нуждаются. Но неприятности не заканчиваются дома. Человек, рассчитывающий на интерес и признание всего мира, сталкивается за границей совсем с иным приемом. Никто не смотрит на него с восторгом, не объясняется в горячей беспричинной любви. Во многих странах советский человек и вовсе оказывается нежеланным гостем. Хуже того, в этом другом мире он сам чувствует себя неловко, по собственной вине попадает в унизительные ситуации. Знаменитый и хорошо оплачиваемый футболист ведет себя в магазине, как Шура Балаганов, и попадается на банальной краже. В нью-йоркском метро вместо специальных долларовых жетончиков обнаруживают советские трехкопеечные монеты, совпадающие с ними по размеру. Появляется выражение «русский бизнес» — для обозначения плохой, нечестной работы.

И что больше всего сбивает с толку: в этом антимире, где по нашим представлениям должны быть сосредоточены все человеческие беды и социальные пороки, оказываются реализованными многие идеалы, заявленные нашей социалистической мечтой: у пожилых — обеспеченная старость; инвалиды передвигаются по улицам в удобных колясках; человек оценивается по результатам его труда; в магазинах не обсчитывают, и вообще люди живут совсем не по волчьим законам.

Вскрывающийся обман не ограничивается одной только материальной стороной — с этим мы могли бы примириться. Те душевные качества, которые мы уверенно приписывали исключительно себе («И никто на свете не умеет // лучше нас смеяться и любить»; «Всех громче советские скрипки // на конкурсах мира звучат, // всех ярче сверкают улыбки // советских веселых девчат»), присущи, оказывается, и людям за границей. Они, вроде бы, улыбаются чаще и больше, а мы хмуры, вечно озабочены и закомплексованы.

К чувству неуверенности и досады добавляется агрессивность, направленная на самих себя. Первые ученики разонравились самим себе.

Человек, воспитанный на неоправданно «больших ожиданиях», не реализовавшихся в последующей жизни, испытывает постоянное чувство обделенности и обманутости; именно он склонен говорить о себе в страдательном залоге: «никто о нас не думает», «нас не обеспечили», «западная интеллигенция нас не понимает». Именно такому человеку хочется любой ценой снова оказаться в центре внимания мировой общественности — пусть уж не восхищения птицей-тройкой, а хотя бы всеобщего сочувствия глубоко увязшей на бездорожье телеге.

Таковы некоторые черты поколения, воспитанного на учебниках послевоенной поры. Кто-то называет себя «детьми XX съезда», кто-то — «детьми перестройки»... Да нет, мы все учились читать по одним и тем же букварям. Приобретенные черты лица с их общим для самых разных групп и слоев выражением изменить вряд ли удастся. Надеяться можно лишь на то, что будущим поколениям доведется учиться по другим учебникам.

От редакции. *Таковы результаты воспитания по букварям далеких послевоенных лет.*

Полно, разве речь шла о чем-то ушедшем в прошлое? Да ведь и нынешние учебники дышат тем же покоем и безмятежностью. Неужели и сегодня воспитывается еще одно поколение несамостоятельных людей, уверенных, что кто-то организует для них «счастливое будущее»?

РЕПЛИКА

Леонид Жуховицкий

ЖИЗНЬ БЕЗ ЦЕЛИ

Говорят, нельзя жить без цели, а с целью — можно? И вообще, как влияет на нашу судьбу борьба за поставленную цель?

В пределах одной человеческой судьбы цель иногда достигается, хотя часто оказывается вовсе не такой, какой виделась издалека. Можно стать актером или спортивным чемпионом, знаменитым или богатым человеком, а в конце пути понять, что на такую цель не стоило гробить жизнь.

Ну а если взять пошире, чем частная человеческая судьба? У страны, у поколения хотя бы цель есть? А у всего человечества?

Как-то я сам себе задал коварный вопрос: а было ли в истории России хоть одно поколение, которое достигло цели, то есть пришло туда, куда направлялось?

Поколения сменяются каждые пятнадцать-двадцать лет. Что же происходило в прошлом, хотя бы за последние век с четвертью.

1861 год — освобождение крестьян, эпоха великих надежд, заря светлого будущего. Но сменилось всего лишь одно поколение, и — конец иллюзиям, цареубийство, казни, месть за месть, борьба всех против всех. Еще поколение ушло — и вновь великие надежды, победное

шествие русского капитализма, рост промышленности, небезуспешная погоня за развитой Европой, легкое головокружение от открывающихся перспектив. Увы, стоило смениться еще одному поколению — и где те перспективы? Крах империи, конец династии, полная победа восставшего народа, рождение нового общества, того самого, о котором мечтали лучшие умы человечества. А ровно через двадцать лет это вымечтанное общество празднует совершеннолетие. Тридцать седьмой год,— в комментариях нет необходимости. Новая, теперь уже сталинская империя твердо стоит на железных ногах, и никакие потрясения впереди не ожидаются — разве шелохнется страна в ежовых рукавицах Николая Ивановича Ежова? Но еще поколение сменилось,— и в одну ночь по всей стране свергаются идолы, разоблачение «культа», «оттепель», «глоток свободы», первые километры пути, ведущего... Да никуда он не ведет — поколение спустя мешком сидит в руководящем кресле косноязычный, с трудом передвигающийся Брежнев. Еще двадцать лет? Там увидим...

Но если ни одно поколение не пришло к своей цели, что же тогда определило судьбу страны?

Пожалуй, определили средства.

Конечно же, развивающейся державе было необходимо многое: и новая столица, пусть на костях, и дворянство, опора режима, пусть на шее у народа, и дешевый труд крестьян, пусть ценой крепостничества. Все можно объяснить. Но как же печален оказался итог! Вековая несправедливость породила вековую ненависть, и к семнадцатому году ее накопилось столько, что именно она решила будущее страны. Не великая цель оказалась главной, а жестокость средств.

В нашу эпоху все пошло быстрее: семи десятилетий оказалось достаточно, чтобы неправедные средства полностью погребли под собой новую возвышенную цель.

Так может разумней и честней вообще не говорить об отдаленной государственной цели, а ставить лишь ясные и простые задачи — скажем, чтобы люди сегодня жили хоть чуточку лучше, чем вчера?

Вывод напрашивается парадоксальный, но опровергнуть его я не могу: не важно, куда мы идем, важно, как мы идем.

Нечто подобное знали уже древние римляне, оставившие потомкам на первый взгляд совершенно нелепый гимн законности: пусть погибнет мир, лишь бы торжествовала юстиция! Они-то знали, что мир гибнет как раз тогда, когда нарушаются законы.

А нравственные законы важней юридических...

Виктор Бондарев

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАСТЬ ВОЖДЯ

Сегодня общество благосклонно относится к астрологии, мистике, религиям, мифам разного рода. Наука утратила статус единственной инстанции, обладающей истиной. Тоталитарная система обладала своей мифологией — учением Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. В наши дни многие с легкостью отбрасывают марксизм-ленинизм, не признавая за ним никакой познавательной ценности. Между тем любая мифология выражает свое время своим языком и заслуживает внимательного прочтения. Сказка — ложь, но в ней намек.

Новоявленным вождям человечества было труднее, чем иным пророкам и мессиям. Последние всегда могли сослаться на Бога, на то, что им явилась божественная премудрость. Новые спасители человечества имели, правда, возможность ссылаться на своих непосредственных предшественников. В основном это снимало проблему, так как у покойников доказательств не потребуешь. И поскольку именно науке отводилась роль источника истины, постольку всякое крупное откровение вождя должно было иметь наукообразную оболочку, обладать теоретической санкцией. Кроме того жизнь менялась, возникали новые проблемы и ситуации, относительно которых героические предшественники ничего не указали! Поэтому учение нужно было пополнять и расширять.

Следует сказать, что Сталину досталось тяжелое теоретическое наследие. Замешанный на крутом гегельянстве «Капитал» представлял собой образец того, как не надо писать теоретические труды, предназначенные для широкой публики. Ведь Ленин только в 1916 году, после двадцатилетнего штудирования «Капитала» понял, что никто, в том числе и он сам, «Капитала» не понимает, поскольку предварительно не усвоил гегелевской логики. Правда в непонятности, сложности «Капитала» было и свое преимущество, состоявшее в том, что лишь посвященные могли его трактовать, а всех прочих можно было поставить на место подходящей цитатой. Нельзя не отметить как недоразумение тот факт, что до сих пор советские люди считают Маркса экономистом, хотя к экономике «Капитал» имеет косвенное отношение. На самом деле это — местами изысканное философское произведение, содержащее ряд концепций-гипотез. В нем нет статистических выкладок, эмпирических данных. Да и зачем философу статистика? Он творит по своим правилам согласно имеющимся традициям.

Еще хуже обстоит с трудами Энгельса. Не обладавший философской искушенностью своего старшего друга, он сделал из трудов последнего практические выводы. Однако его многочисленные и однозначные рекомендации по упразднению денег, полной ликвидации товарного производства показали несостоятельность уже сразу после нашей революции. К тому же Энгельс отличался активной русофобией. Поэтому не случайно Сталин его не любил и даже устроил выволочку публикаторам одной из статей Энгельса. Что без денег и каких-то, пусть очень ущербных, форм товарного производства, торговли не обойтись,— это Сталин прекрасно понимал и нещадно гвоздил своих

соратников за буквальное прочтение основоположников марксизма-ленинизма.

Известна оценка Ленина как теоретика Н. А. Бердяевым, самым популярным нашим классиком: *«Тип культуры Ленина был невысоким, многое ему было недоступно и неизвестно. Всякая рафинированность мысли и духовной жизни его отталкивала. Он много читал, много учился, но у него не было обширных знаний, не было большой умственной культуры»*[1]. Можно вспомнить и слова Сталина: *«Известно, что Плеханов не раз потешался над «беззаботностью» Ленина насчет теории»*.

Тоталитарное общество предполагает строгую иерархию во всем, в том числе и в теории. В этой связи интересны официальные характеристики вождей. Эти характеристики менялись с годами. Возьмем наиболее взвешенные и отточенные, которые давал Краткий философский словарь 1954 года издания. Первое место здесь принадлежит Ленину: *«Величайший теоретик и вождь мирового пролетариата и всего трудящегося человечества, творец марксизма эпохи империализма, основатель КПСС и первого в истории социалистического государства»*. Чуть ниже — Маркс: *«Гениальный основоположник научного коммунизма, великий учитель и вождь мирового пролетариата, вдохновитель и организатор I-го Интернационала»*. Энгельс представлен без эпитетов: *«Вождь и учитель пролетариата, друг и сподвижник Маркса, вместе с ним разработавший теорию научного коммунизма и боровшийся за освобождение рабочего класса, за коммунизм»*. В этой когорте Сталин выступает как *«верный ученик и ближайший соратник, продолжатель учения и дела Маркса, Энгельса, Ленина, великий вождь и учитель коммунистической партии и советского народа»*.

Обратим внимание на то, что среди всех эпитетов и определений нет явного указания на теоретический вклад Сталина, на Сталина — теоретика и мыслителя. По-видимому, это не случайно. С одной стороны, великий вождь мог объявить себя кем угодно, но с другой — ситуация была не столь проста. В марксизме-ленинизме, как и во всякой религиозной системе какое-либо теоретическое творчество запрещено. Здесь дозволено только комментирование, толкование, поскольку истина принадлежит некой высшей инстанции. Безусловная правильность высказываний основоположников, запрещение критики вытекали из самого способа функционирования системы. Неслучайно слово «ревизионист» являлось страшным и ругательным, заменившим «еретика». Великий вождь, уже в силу того, что он признан таковым, должен делать и великие открытия в теории. Однако на великие открытия он не имеет права, поскольку истина уже в основном известна. Вносить же частные, мелкие изменения в доктрину — значит не соответствовать своему величию. В этом и заключалось противоречивое положение корифея всех наук.

Безусловно, Сталин произнес много речей, положения из которых признавались льстивыми придворными теоретиками выдающимся вкладом в науку. Судя по всему, вождь осознавал недостаточность всех этих высказываний и комментариев. Ему явно хотелось не только считаться, но и быть теоретиком. Известны сочинения Сталина по национальному вопросу, языкознанию. Однако все эти вопросы были частными. Чтобы стать теоретиком, нужно было внести радикальные изменения в три составные части марксизма — материалистическую философию, научный коммунизм и политическую экономию, или хотя бы в одну из этих частей.

[1] *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с. 97.

Известно, что Сталин осуществлял непосредственное руководство созданием «Краткого курса», который стал одновременно и азбукой марксизма-ленинизма в его сталинской интерпретации, и фундаментальным теоретическим трудом, своего рода Новым Заветом в дополнение к «ветхозаветным» откровениям Маркса, Энгельса и Ленина. В этом сталинском катехизисе наряду с весьма извращенной версией истории КПСС присутствует большая теоретическая «вставка» — глава: «О диалектическом и историческом материализме». Здесь Сталин фактически выступает как философ-марксист, особенно по вопросам исторического материализма, где можно приводить примеры и черпать аргументы не из философии, а из истории. Правда, Сталин теоретизирует анонимно, но это был общеизвестный «секрет». По-видимому сам вождь, сознавая ограниченность своих философских возможностей, не смог выразить в явной форме свои философские амбиции. Помочь же ему было некому. Одни из теоретиков были расстреляны, другие — просто бездарны. А если и встречались люди, способные придать марксизму-ленинизму тонкую интеллектуальную изысканность в рамках ортодоксии — например, генерал Лукач, живший в то время в СССР,— то понять их и эффективно использовать можно было только при наличии минимальной философской культуры, которой у придворных «философов» явно не хватало.

Надо было искать другие области, где откровения вождя, отшлифованные камарильей, засияли бы достаточно ярко. Для этой цели явно не подходил научный коммунизм. С одной стороны, создаваемое общество во многом не соответствовало заветам классиков марксизма-ленинизма, и реализацию коммунистических принципов приходилось переносить все дальше за временной горизонт, с другой, попытки умозрительного конструирования будущего требовали фантазии Фурье и Сен-Симона, которой тоже не было. Достаточно очевидно, что и научный коммунизм оказался не подходящим полем для теоретических подвигов вождя. Оставалась политическая экономия.

В политической экономии, однако, были свои проблемы. Что касается капитализма, то тягаться с Марксом, его диалектикой, действительно вобравшей в себя двухтысячелетнюю традицию, было бессмысленно. К тому же капитализм раз за разом опровергал выводы основоположников. Столь же трудным представлялось внести новый вклад в методологию, поскольку здесь требовалась культура мышления. Оставался один путь — найти новый объект исследования. Именно таким объектом и стал социализм, рассматриваемый как низшая стадия коммунизма. Политическая экономия социализма — вот главный теоретический продукт деятельности великого вождя.

Надо сказать, что создание политической экономии социализма было связано с определенными теоретическими, точнее — теологическими трудностями. Согласно учению Маркса и его интерпретации Энгельсом, политической экономии социализма не могло существовать, потому что политическая экономия понималась ими как наука о рыночной экономике. А поскольку при социализме не должны существовать товары, деньги и стоимостные отношения вообще, классики считали невозможной и возникновение подобной науки. Ведь отношения между людьми предполагались как ясные и прозрачные, основанные на научных расчетах. Не случайно Бухарин, Богданов и прочие считали необходимым создание науки об организации производства, о социалистическом хозяйстве. Как образованные люди, тщательно проштуди-

ровавшие произведения основоположников, они делали последовательные выводы из постулатов марксизма. Поэтому сама идея создания политической экономии социализма долго пробивала себе дорогу. Лишь к концу тридцатых годов, когда со всяким разномыслием было покончено, стала возможной сама постановка вопроса о новой науке. Естественно, поскольку речь шла об основах учения, нужна была санкция главного жреца. И Сталин ее дал.

Интересно, что Сталин в этой своей ревизии марксизма был ближе к истине, чем его погибшие к тому времени оппоненты. К середине 1930-х, как известно, «социализм был в основном построен». Последующая война, десятилетия «развитого социализма» продемонстрировали, что это была крепко сработанная система, способная решать сложные проблемы. По сути дела была создана весьма специфическая цивилизация, органически соединявшая в себе преимущества рабовладения, феодализма, промышленной революции и ряд пороков капитализма. Поскольку тоталитарная система обладала достаточно мощным производством, выработала средства и методы распределения материальных благ, постольку действительно существовал объект исследования — хозяйственный уклад тоталитарного общества, система производства и распределения. Провалы пятилетних планов, ужасные экономические последствия военного коммунизма и коллективизации наглядно продемонстрировали вождям, что не все зависит от их воли, от возможностей репрессивного и бюрократических аппаратов. В хозяйственной системе существовали своя внутренняя логика, объективные связи, отменить которые декретами оказалось невозможным. Поэтому сама постановка задачи создания науки, раскрывающей закономерности функционирования хозяйственного уклада тоталитарной системы, изобретения ключевых терминов и понятий (категорий), увязка их в некое теоретическое формирование — были небесполезны.

Как появилась на свет политическая экономия социализма и какова здесь роль Сталина? Эта история людям старшего поколения достаточно известна. В конце 1930-х лучшие из оставшихся в живых «идеологических бойцов партии» сработали несколько вариантов новой экономической теории. Война помешала естественному ходу вещей, и новый вариант был представлен Сталину только в 1950 году. Состоялось несколько встреч вождя со своими идеологами, где он дал указания и разрешил все проблемы. Затем появилось знаменитое сочинение корифея всех наук «Экономические проблемы социализма в СССР», закрепившее авторство Сталина на основные «достижения» новоявленной экономической мифологии.

В 1954 году как посмертный памятник Сталину вышел в свет и курс «Политической экономии», который на десятилетия предопределил судьбу политической экономии. Проходило десятилетие за десятилетием, а основные идеи «сталинского гения» перекочевывали из учебника в учебник практически неизменными. Из них были изъяты все цитаты вождя, а дух и смысл — остался прежний. И в перестроечные годы новый учебный курс, созданный идеологами перестройки — В. Медведевым и Л. Абалкиным,— при внешних различиях, остался очередной версией сталинской мифологии, хотя за это время выросло новое поколение «талмудистов», активно пропагандировавших сформулированные вождем истины, зачастую даже не предполагая, кто автор полюбившихся им постулатов и законов. В этой связи сегодня безусловно надо переиздать ряд сочинений Сталина, чтобы люди хотя бы знали, что он действительно говорил, насколько нынешние неосталинисты верны заветам вождя.

Сегодня мы располагаем свидетельствами очевидцев и участников встреч со Сталиным,— «теоретики» получали от вождя откровения из первых рук,— записями о пяти таких встречах. Чтение подобных мемуаров — занятие занимательное и поучительное. Оставим для начала в стороне теоретические указания, их лучше рассматривать на примере «Экономических проблем социализма в СССР», а приведем несколько высказываний. Вот как Сталин рассматривал вопросы регулирования потребительского рынка:

«Чтобы диктовать цены на рынке, нужны огромные резервы... Например, в Литве стали быстро возрастать цены на хлеб. Мы дали туда 200 тыс. пудов хлеба и цены резко упали. Вот что значит диктовать государству цену на рынке»[1]. Сегодня мы это называем товарной интервенцией. Конечно, умиляться разумности тирана не стоит, он просто говорит в данном случае разумные и традиционные вещи, понятные любому обывателю.

При чтении мемуаров появляется впечатление, что вождь явно не глупее своих теоретиков. Например, Сталин упрекает составителей учебника в том, что они не заметили открытия Америки и аргументированно показывает, какую важную роль сыграло это событие. Интересно отношение тирана к рабовладельческому строю: *«Это самое интересное общество до капитализма»*[2]. Осознанно или неосознанно он выдает свои симпатии к подобному способу организации производства и общества. Вождь даже сам написал страничку о рабстве, желая выразить свое неудовольствие античной демократией.

Стиль вождя хорошо характеризует эпоху: подобострастные вопросы и четкие однозначные ответы. Ученые спрашивают, как обозначить то или иное понятие (прибыль или накопление), что такое общий кризис капитализма, как скомпоновать материал, что правильно, а что неправильно. Фактически им даже не нужны аргументы. Зачем они, если есть указания Сталина?

Что же представляет собой этот новый курс по существу?

Прежде всего надо отдать должное и составителям и их руководителю. Действительно, они создали нечто новое как с методологической, так и с содержательной точки зрения. Главным методологическим изобретением стал законотворческий стиль построения теории — сочинение ряда законов, которые сформировали структуру учебника. Забавно то, что новые теологи осмысливали мир, общественные процессы явно под впечатлением позитивизма конца XIX века. Сталину и его помощникам было недостаточно как-то описать социализм, используя имеющиеся или сочиняя новые термины и понятия. Другое дело, если назвать какие-то связи явлений **законом**, тогда это будет качественным признаком высокой науки. Судя по всему, они слабо знали Гегеля, для которого закон был лишь одной из форм связи. Также мало внимания они обращали на то, что для Маркса как настоящего гегельянца закон был одним из элементов теории. Основоположник мог на одной странице сформулировать три-четыре закона и потом о них не вспоминать. Во всем оглавлении «Капитала» понятие «закон» фигурирует только в конце, и все сочинение не содержит никаких признаков «обожествления», фетишизации «законов». Ленин в своих работах формулировал «признаки» и «принципы» и тоже не увлекался законотворчеством. Вообще в науках об обществе с конца XIX века понятие

---

[1] *Кузьминов Я. И.* Беседы с оракулом. Встречи Сталина с экономистами / Экономическое обозрение. М., ВЭО, 1990, май, с. 82—105.

[2] Там же, с. 97.

«закон» употребляется очень осторожно, поскольку законы либо трудно доказать, либо они настолько банальны по своему содержанию, что от них мало пользы. Закон как жесткая причинно-следственная связь мало пригоден для описания сложнейших социальных процессов.

У Сталина и его придворных теоретиков, естественно, такие мысли не возникали, страшно далеки они были от современной методологии. Они точно знали, как устроен этот мир, каким он был и каким будет. И поскольку мир-де достаточно прост, поддается изменению и конструированию, постольку вполне можно насочинять «законы», предписывающие, каким быть миру. Кроме того, если все свести к нескольким законам, то можно выстроить и определенный порядок, иерархию. Для этого достаточно решить, какой закон является самым главным, а какие менее главными. Тогда будет как в жизни: есть великий вождь, а есть просто вожди. Закон удобен по ряду причин. Во-первых, уже само это слово звучит строго, напоминая об уголовном кодексе, НКВД и неминуемом возмездии за непослушание. Во-вторых, поскольку Бог упразднен, нужно же к чему-то апеллировать как к последней и объективной инстанции. Здесь как раз и подходит закон. Конечно, труды основоположников и так обладали священной силой и не подлежали пересмотру, но ведь основоположники тоже были люди, поэтому всегда лучше ссылаться на надчеловеческие, сверхчеловеческие силы — законы.

Для начала необходимо было повысить законотворческий статус Маркса. С этой целью наиболее существенные марксистские постулаты стали называть законами. Например, соответствие производственных отношений производительным силам стало законом соответствия, прибавочная стоимость стала законом прибавочной стоимости — причем, чтобы придать ему еще большую выразительность — экономическим законом обязательного соответствия *(выделено И. В. Сталиным)*. Вот так из «соответствия» получился «Закон обязательного соответствия». Надо сказать, этому закону в политэкономии несколько не повезло: он мешал построению строгого порядка, поскольку первое место в ней занял «основной закон». И потому закон соответствия пришлось проводить по «ведомству» исторического материализма, хотя он и был назван экономическим законом. Сталинским теоретикам пришлось поправить и Маркса, сформулировать основной закон капитализма. Поскольку экономические законы социализма были проранжированы, постольку пришлось уточнить и К. Маркса, не догадавшегося построить систему законов.

Создание экономической мифологии социализма как системы упорядоченных законов было сопряжено с трудностями. Пришлось решать вопрос: стихийно действуют законы или еще каким-либо образом? Можно ли их упразднять, трансформировать, ограничивать, а самое главное — можно ли их использовать?

Задача связать концы с концами так, чтобы «теория» благословляла преобразование мира, не мешала вождям «выражать» историческую необходимость, не звучала фаталистически, и в то же время оставалась непогрешимой, «объективной», то есть независящей от воли людей. Несомненно, великому вождю было неприятно признавать, что есть что-то независящее от его воли. Тем не менее, надо отдать ему должное, он неплохо вышел из положения, сочинив несколько страниц типичной схоластики, где «диалектическим» образом все это склеил. Пришлось, правда, в очередной раз немного обругать Энгельса, который давал слишком простые ответы. Вот, например, рассуждения Сталина о действии законов, их стоит привести, поскольку они демонстрируют схоластическую премудрость вождя:

«Говорят, что некоторые экономические законы... являются «преобразованными»... Это тоже неверно. Нельзя «преобразовывать» законы. Если можно их преобразовать, то можно и уничтожить, заменив другими законами. Тезис о «преобразовании» законов есть пережиток от неправильной формулы об «уничтожении» и «сформировании» законов. Хотя формула о преобразовании экономических законов давно уже вошла у нас в обиход, придется от нее отказаться в интересах точности. Можно ограничить сферу действия тех или иных экономических законов, можно предотвратить их разрушительные действия, если конечно они имеются, но нельзя их «преобразовать» или «уничтожить»[1].

Здесь есть всё: законы объективны и независимы, следовательно, их нельзя изменить; в то же время они действуют в определенных условиях, а условия-то менять можно! Как и учили тогдашние учебники диамата, диалектика позволяет в одно и то же время и существование вещи, и ее несуществование. Здесь законы превращаются в какие-то невидимые, идеальные (в то же время и объективные) сущности, вроде греческих богов на Олимпе. И трогать их нельзя, и уважать надо, и в то же время можно как-то с ними жить, а то и использовать.

Несколько десятилетий сотни миллионов советских людей заучивают эту талмудистику, а тысячи теоретиков упражняются в интерпретациях этой схоластики. Правда, сам факт столь длительного существования откровений показывает, что это сделано, естественно, в рамках схоластической мифологии, довольно добротно. Еще и сегодня почтенные академики непрочь порассуждать на столь замысловатые темы. Идеология плохо согласуется с наукой, а раз так, то наука должна была превратиться в схоластику, взяв на вооружение средневековые методы схоластики. Если в средние века теологи могли сколько угодно спорить о количестве чертей, умещающихся на кончике иглы, то после возникновения политэкономии социализма появилась возможность обсуждения условий существования политэкономических законов: какие они, сколько их и какова их субординация, как они взаимодействуют друг с другом и с обществом и т. д. и т. п. Открылись широкие возможности для «законотворчества» и «системосозидателей». Вместо того, чтобы изучать реальные процессы, анализировать фактические данные, тысячи и тысячи новых талмудистов забрались на свою идеологическую башню, взяв в качестве девиза: «Если жизнь не соответствует нашей теории, то тем хуже для жизни». Жрецы от политической экономии заняли ведущее место в идеологическом обслуживании тоталитарной системы. Впрочем, и сегодня немало их в первых рядах тех, кто призывает еще раз попробовать построить социализм.

Естественно, что в тоталитарных теориях предполагается и строгий порядок. Во главе всех законов должен находиться основной экономический закон. Но вот вопрос: где его взять? Экономические отношения в тоталитарной системе сведены к минимуму. Следовательно, вывести из экономики его трудно, даже если мобилизовать фантазию всех придворных теоретиков. С другой стороны, доктрина утверждает примат экономики над всем прочим. Поэтому если пытаться конструировать самый главный теоретический закон, то без экономики не обойтись. Одним из претендентов на столь выдающуюся роль был закон планомерного развития. Однако Сталин его отверг, законно полагая, что таким об-

[1] *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, с. 9.

разом принизилось бы значение всей системы, поскольку планомерность легко перепутать с планом. А в таком случае чиновники Госплана становятся самыми главными как выразители главного закона. Выход был найден в изобретении «высшей цели» производства при социализме. Производство в любой системе в конечном итоге ориентировано на потребителя. Коммунистическая идеология повела за собой людей потому, что пообещала построить материальный рай на земле. Отсюда не случайна и формулировка основного закона, обещавшая построение «града Божьего» на земле: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей». Если вспомнить о тяжелой жизни людей, то безусловно такой закон облегчает жизнь, обещая благоденствие в будущем — своего рода сталинский вариант «опиума для народа». Можно конечно говорить об идеологических функциях, но они облегчали жизнь, стимулировали веру и жизнестойкость. Система, появившись на свет, сама по себе порождала необходимые для ее существования мифы.

Второй по значению закон — закон планомерного, пропорционального развития также был идеологически выдержан. Можно сказать, что именно он выражал суть хозяйственного уклада административно-командной системы. В принципе его можно было сформулировать и другим образом, например: закон государственного регулирования производства или закон государственной собственности и т. п. В обществе, где запрещены все формы собственности, не может быть иного хозяйственного субъекта, кроме государства. Если все основные хозяйственные решения необходимо принимать в одном центре, то, естественно, нужна какая-то единая программа, единое расписание хозяйственной деятельности, то есть единый план. Вполне могло случиться, что закон стал бы называться законом программного развития, если бы не подвернулось слово «план». Можно даже согласиться, что это действительно закон, поскольку тоталитарная система не может существовать без команд из единого центра. Как показывает опыт перестройки, если эти команды перестают выполняться, вся система начинает разваливаться. Впрочем, этот закон можно было бы назвать «принципом» или еще как-то. Характерно, что этот экономический закон имел и прямое отображение в виде закона о Государственном плане; здесь получился как бы закон в квадрате.

Третий закон, который подробно анализировал Сталин,— закон стоимости. Непосредственно с законом стоимости была связана проблема существования товарного производства при социализме. Здесь корифею приходилось решать задачу, которая в теологии называется теодицией, то есть оправдание наличия зла в мире, созданном Богом. Строго говоря, закон стоимости и закон товарного производства выражают одно и то же — наличие элементов рыночных отношений при социализме. Сталин был достаточно прагматичен, чтобы понять необходимость использования денег и товарооборота для организации хозяйственного уклада тоталитарного общества. В то же время он хорошо запомнил и указания Маркса, Энгельса и Ленина о неизбежности перерастания мелкого товарного производства, особенно в сельском хозяйстве, в капиталистическое. Таким образом, в практическом плане задача была очевидной — использовать товарообмен, но поставить его под жесткий административно-репрессивный контроль, чтобы он не вышел за разрешенные рамки. Эту практическую линию нужно было провести и в теории, что представляло собой непростую задачу. Особенно мешал здесь Энгельс, и Сталину пришлось в мягкой форме несколько раз обругать классика за его безусловную антирыночную пропаганду. Кое-какую поддержку он нашел в сочинениях Ленина о нэпе и кооперации. К тому же он видимо хорошо усвоил уроки коллективизации:

«Нельзя также считать ответом мнение других горе-марксистов, которые думают, что следовало бы, пожалуй, взять власть и пойти на экспроприацию мелких и средних производителей в деревне и обобщить их средства производства. На этот бессмысленный и преступный путь также не могут пойти марксисты, ибо такой путь подорвал бы всякую возможность победы пролетарской революции, отбросил бы крестьянство надолго в лагерь врагов пролетариата» [1].

Конечно, читать эти строки, написанные в 1952 году, через двадцать лет после кровавой экспроприации крестьянства, довольно странно. Чего здесь больше: лицемерия, догматизма или прагматического ревизионизма, сказать трудно. Ведь Маркс и Энгельс «убедительно» доказали, что крестьянству нет места на земле не только в условиях социализма, но даже и при капитализме. Сталин всего лишь реализовал этот теоретический постулат. Как ученика основоположников его можно упрекнуть лишь за излишнее рвение, стоившее жизни десяткам миллионов людей, и последствия которого мы ощущаем и сегодня. Скорее всего, его учителя сами не смогли бы достичь подобных результатов, но то, что их сочинения безусловно вдохновляли на подобные деяния,— бесспорно. В результате всех этих экспериментов Сталин нашел свою линию: с одной стороны, он выполнял заветы предшественников, а с другой, делал это так, чтобы мощь империи страдала от догматизма в наименьшей степени.

Весьма актуальны рассуждения вождя о соотношении товарного производства и капиталистического: *«Нельзя отождествлять товарное производство с капиталистическим производством. Это — две разные вещи»* [2]. Эта сентенция стала очень популярна в годы перестройки как доказательство «социалистичности» перестроечных экономических реформ. Надо отдать должное великому тирану, он излагал свои мысли более четко и однозначно: *«Капиталистическое производство есть высшая форма товарного производства. Товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наемных рабочих капиталистами»* [3]. Отсюда делается и последовательный вывод: товарное производство — это компромисс, от которого социалистическое общество должно в будущем уйти, поскольку организовать товарное производство лучше, чем при капитализме, невозможно.

Сталин был по-своему прав, подчеркивая о с о б ы й характер товарного производства при социализме. Оно действительно было ограничено жесткими рамками. И если корифей считал это достоинством, то сегодня ясно, что товарное производство в условиях социализма — это действительно особое товарное производство, предельно извращенное, уродливое. Как правильно пишет Сталин: *«Сфера действия закона стоимости распространяется у нас прежде всего на товарное обращение... на обмен главным образом товаров личного потребления»* [4]. Чего

[1] *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР, с. 13.
[2] Там же, с. 14.
[3] Там же, с. 14—15.
[4] Там же, с. 19.

не понимал Сталин, как, впрочем, и последующие его интерпретаторы, так это неразрывной связи рынка и закона стоимости. В марксовой интерпретации этот закон определил стоимость товара в условиях рынка, то есть рынок здесь присутствует как абсолютно необходимое условие формирования и выявления цены товара. Если нет рынка, то все попытки сосчитать стоимость путем складывания издержек означают не что иное, как обоснование затратной экономики. Поэтому столь бесплодны были многолетние дискуссии об «общественно необходимых затратах труда», которые не выявит ни одна калькуляция, а определит только рынок. Только рынок вынесет окончательный вердикт — необходимы данные затраты или это просто разбазаривание ресурсов. Впрочем, утверждение Сталина о том, что «с исчезновением товарного производства исчезнут и стоимость с ее формами, и закон стоимости»,— безусловно верно. Однако не дай Бог нам дожить до такого времени, поскольку там нас ждет только нищета, а то и голодная смерть.

Сталин придавал большое значение подготовленному под его руководством «новейшему» Завету марксизма-ленинизма и прямо говорил «о международном значении марксистского учебника политической экономии». По-видимому он чувствовал и большое личное удовлетворение своим вкладом в «сокровищницу» марксизма-ленинизма, реализовав себя как теоретика. Наверное это была его последняя страсть, которую он удовлетворил сполна.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Любовь Теодорович

КАРАТЕЛЬНАЯ НАУКА

Таинственность, полная бесконтрольность и принудиловка советской психиатрии вызывает у граждан СССР полумистический ужас, смешанный с брезгливостью. Под гипнозом этого ужаса находятся и сами психиатры. Нарушение законности в этой области медицины совершаются систематически. Именно беззаконие определяет всю ее деятельность — психиатрия из лечения стала одним из механизмов произвола властей. Наивно думать, будто есть и «хорошие врачи». Да, есть, но что с того? Они служат маскировкой для системы общего беззакония. И сами, по существу, работают на нее.

Говоря об использовании психиатрии в немедицинских целях, следует назвать три направления проблемы. Первое — нарушение прав граждан, пациентов психиатрических лечебниц. Второе — нарушение прав самих врачей-психиатров. Третье — использование психиатрической науки — как идеологического прикрытия противоправных действий властей под предлогом особой сложности профессиональных проблем, недоступных для понимания простых смертных.

В любой области жизни можно найти начальников, от имени государства нарушающих законы этого государства: из корыстных соображений, властолюбия, страха, фантастической увлеченности какой-то собственной идеей. Но нигде, по-видимому, такой беспредел не стал

Л. Теодорович — врач-психиатр.

системой, не имеет прочной правовой основы, а точнее — удобного отсутствия юридических норм защиты граждан, как в психиатрии. Отсутствует закон о защите человека от психиатрического произвола.

В тюрьму человек направляется по решению суда, проводимого с соблюдением процессуальных норм. Рассматриваются обоснованность обвинения, его доказанность, у обвиняемого есть адвокат, возможна апелляция в вышестоящие инстанции. Но сговор с местной психиатрической службой освобождает от всех этих хлопот. Обвиняемый во время суда находится в психиатрической больнице — в суде нет его полномочного представителя. Нет психиатра-эксперта, давшего заключение о невменяемости, нет адвоката. Решение суда предопределено... следственным заключением. У нас не разработаны даже нормы обжалования такого судебного решения вышестоящими инстанциями. Независимой психиатрической экспертизы теперь попросту не существует, но когда она была, обращение в такую экспертизу не было предусмотрено законом.

Не существует психиатрической экспертизы (то есть внесудебной, независимой) для пострадавших в делах гражданских, например, в связи с незаконным увольнением или о клевете, о компенсации морального и материального ущерба, о разводе...

В нарушение ст. 51 Основ законодательства СССР проведение судебно-психиатрической экспертизы передано единолично в ведение Минздрава СССР. Ее проводит Институт общей и судебной психиатрии им. Сербского, и все подразделения, проводящие такую экспертизу по всей стране, подчинены этому учреждению.

Мы обоснованно говорим о недостаточности правовой культуры в стране, об отсутствии цивилизованного общедозволительного права. Про психиатрию можно сказать, что она находится по ту сторону права по отношению к ныне действующему законодательству. В ней не соблюдается даже принцип охраны порядка и законности, принятый в нашей стране и представленный кое-какими ограничительными нормами поведения. Не существует наказаний за злоупотребление властью в области психиатрии, нет механизма контроля над деятельностью психиатров, нет норм, восстанавливающих нарушенные права человека. Например, названо ошибочным, недействительным и незаконным решение судебной экспертизы о признании человека недееспособным с лишением его всех прав. Однако это вовсе не ведет к восстановлению этих прав. Широко известен случай с донецким шахтером Шакиным, который сотрудниками института им. Сербского был признан невменяемым. Врачи из независимой психиатрической ассоциации в свое время признали его здоровым. Этическая комиссия Всесоюзного общества психиатров СССР в 1990 году подтвердила, что шахтер Шакин здоров. Но шахтер до сих пор ходит без паспорта, потому что он, признанный однажды невменяемым, не имеет права обратиться за восстановлением своих гражданских прав в народный суд. «Известия», «Медицинская газета», «Собеседник» пытались ему помочь — гласность отступила перед молчащим, мрачным, загадочным институтом им. Сербского.

Увольнение с работы на основании ошибочного диагноза психического заболевания даже после снятия этого диагноза не приводит к восстановлению человека на работе. Само конституционное право любого человека на обращение в суд нередко отклоняется из-за справки о том, что истец «состоит на учете». Часто жалобы и заявления пострадавшего вовсе не рассматриваются на том же основании.

Причем эта практика получила неправовое, но очень широко распространившееся оформление. Диспансер ставит на его заявлении, пересланном, скажем, из редакции или из милиции, резолюцию: «Переписка нецелесообразна по психическому состоянию». И заступники отказываются от него.

Осужденный по суду не теряет гражданских прав — в тюрьме он может писать жалобы, протесты, требовать адвоката, давать дополнительные сведения по делу. Человек, находящийся на принудительном лечении в психиатрической больнице, лишен этих элементарных прав. В тюрьме заключенный знает срок своего заключения, а принудительное лечение в спецпсихбольнице не имеет сроков давности, оно может продолжаться пожизненно, независимо от вида нарушения и статьи. Вопрос о сроке принудительного лечения — правовой и должен решаться с учетом юридических гарантий защиты! Совершенно естественно требование о переводе пациента по окончании хотя бы максимального срока по статье в психбольницу общего типа. В судебно-психиатрической практике этого нет. Нет и юридической структуры, которая должна заниматься этими вопросами. Вопросы о правах пациента переданы целиком психиатрам — в силу исключительной непонятности ее медицинских терминов и критериев. Но во-первых, сложность искусственно преувеличивается секретностью, а во-вторых, правовые вопросы не должны решать врачи.

Может быть, вся суть проблемы в том, что только легитимная власть заинтересована в соблюдении законности, заботится о своем престиже и добром общественном имени? Только цивилизованное право дает юридическое оформление любой организации и деятельности самой власти, ставит ее функционирование в рамки закона, под контроль общественности? Но оказывается, и та власть, которая мало заботится о соблюдении закона, все же избегает скандалов и разоблачений, только по-своему: максимальной секретностью своих действий, а также борьбой с внутренними врагами, выносящими сор из избы. Не открытое соблюдение законов, а сокрытие беззакония — ее цель. Вот так и разделились наши юристы на правоохранителей и правозащитников.

В степени своего юридического бесправия и юридической необразованности врач-психиатр не далеко ушел от своих пациентов. В его работе право заменено дисциплиной, которая обеспечивается ведомственными подзаконными актами, очень часто с грифом «для служебного пользования». Если же у врача появится необходимость познакомиться с формальными правовыми нормами, он может это сделать исключительно в кабинете заместителя главного врача по гражданской обороне, где, так и быть, прочтет документы, вынутые из сейфа и вновь туда убранные. Вот как охраняется секретность законов — своеобразное изобретение нашей правовой культуры. Как бы ни был врач вежлив и деликатен, ему не избежать беседы на тему: «Вам что, больше всех надо?» При этом ссылки на уголовный или гражданский кодексы неуместны, а на Конституцию — вызовут серьезное опасение администрации, в своем ли уме врач?

Сборников правовых документов у врачей нет, даже знаменитый на Западе приказ № 225 «О мерах по дальнейшему совершенствованию психиатрической помощи», согласно которому спецпсихбольницы для принудительного лечения по решению суда переданы из ведения МВД СССР Минздраву СССР, есть только у администрации. Врач имеет один способ выразить свое несогласие: уволиться. Хочешь работать нормально, не обижая собственным беззаконием пациентов, совершивших беззаконие,— уходи из психиатрии.

Удовлетворительным решением части всех этих вопросов явилось бы создание центра независимой психиатрической экспертизы, собравшего бы психиатров и юристов, несущих личную, а не абстрактную административную ответственность за свое заключение. Экспертиза может проводиться по доверенности ответчика, как это практикуется у адвокатов. Сама возможность независимой, вневедомственной, профессиональной экспертизы существенно повысила бы уровень ответственности в работе психиатров любых учреждений.

Центр необходим и для проведения юридических консультаций по вопросам психиатрии, для разделения правовых и медицинских вопросов в каждом конкретном деле, для определения обязанностей правовых и медицинских учреждений. Экспертиза должна проводиться в соответствии с нормами международного права. Она исходила бы из принципа презумпции психического здоровья, когда эксперт обязан обосновать наличие заболевания, а не его отсутствие. Сейчас же приходится научно обосновывать отсутствие психоза — ситуация беспрецедентная!

Новые законы — об индивидуальной трудовой деятельности врача, в том числе психиатра, об общественных организациях, об издании независимых газет и журналов — дают возможность хотя бы частичной децентрализации психиатрической помощи в стране. Можно надеяться, что децентрализация приведет к осуществлению еще одного права наших пациентов — на выбор врача и на квалифицированное медицинское обслуживание. Работа в условиях реальной, в том числе и финансовой, конкуренции даст эффект качества лечения, хотя, возможно, и уменьшит количество врачей на душу населения. Децентрализация медицинской помощи устранит бессмысленную и аморальную борьбу за «загруженность койко-мест», то есть за выполнение государственного плана по лечению психически больных.

Говоря о необходимости деидеологизации советской психиатрии, следует определить понятие идеологии. Это — своего рода посредничающая теория, научное алиби которой скрывает разрыв между интересами системы и реальной жизнью. Она создает иллюзию, будто интересы системы следуют из жизненных потребностей. Идеология необходима в обществе, где жизнь пронизана лицемерием и ложью. Советская психиатрия перестала быть наукой, она представляет собой набор авторитарных высказываний по всем значимым вопросам, ее министерским и институтским руководителям принадлежит монополия на истину.

Наша психиатрическая помощь неэффективна, ее несостоятельность заложена в самой организации. Должностные различия там строго вертикальны. Иерархия должностей сказывается не только на различии в оплате, но и в том, что мнение врача может быть административно отменено врачом из более высокой инстанции. Это военизированная система, где рядовым в конечном счете является пациент — субъект дисциплинарного воздействия, а не равноправный гражданин.

Несостоятельность практической психиатрии хорошо видна из данных медицинской статистики. Общая психиатрическая заболеваемость растет, особенно среди детей и подростков. В условиях идеологического монополизма можно еще некоторое время скрывать эту несостоятельность, но только в ущерб здоровью и жизни общества. Полную моральную ответственность за такую деструктивную секрет-

ность в медицине несет бюрократическая верхушка психиатрической службы страны. Проблемы неэффективности очень охотно и бесконечно обсуждаются, но реальные изменения маловероятны, так как они могут привести к потере личных преимуществ и льгот — в праве на публикацию, защиту диссертации, выезд за рубеж...

Вполне вероятно, что новые разработки существуют, но поделиться своими соображениями большинство психиатров не имеет возможности: в стране существует только один журнал по специальности, опубликоваться там чрезвычайно трудно.

Идеологизированная психиатрическая наука является инструментом авторитетной лжи. Например, она серьезно обосновывает, что психически ненормальным является тот, кто плохо приспособился к данной социальной среде. Наука называет это неадекватностью. Зато конформизм (приспособленчество) и корысть называет, наоборот, психическим здоровьем, как адекватность к объективным обстоятельствам, понимаете? Другой пример. Исходя из ныне принятой у нас официальной концепции, считается, что все люди, когда-либо переболевшие каким-нибудь психическим расстройством, уже более никогда не смогут быть здоровыми, они будто бы находятся в стадии ремиссии. К психической патологии отнесены все пограничные состояния — депрессии, неврозы, психопатии, другие расстройства эмоций. Все эти лица подлежат диспансерному учету. Следуя этой логике, получается, что психически больными являются все, кто когда-либо обращался к психиатрам. Но и те, кто к психиатрам никогда не обращались, рассматриваются не как здоровые а как пока «неучтенные». Наука вульгарно приспособлена к тому, чтобы считать любого гражданина психически больным. Последовательным воплощением этих принципов явилось развитие концепции вялотекущей шизофрении, психоза без психотических расстройств, из-за которой пострадали десятки тысяч людей, говоривших то, что произносят сейчас Президент, министры, депутаты, вызывая овации зала.

Психиатрическая наука пошла вдаль и вглубь: в судебной психиатрии принятие паранойяльного синдрома, заняло особое место. В «методическом письме» по проведению судебно-психиатрической экспертизы бывший главный психиатр Минздрава СССР А. А. Чуркин рекомендует лиц с паранойяльным развитием, без психоза, признавать невменяемыми в силу особой социальной значимости этого состояния и направлять их на принудительное лечение в психиатрические больницы специального типа. Это уже не просто особое мнение ученого в сложном диагностическом вопросе, а циничное отрицание всех принципов самой психиатрической науки.

Такие теоретические изыскания несут в себе богатые возможности практического использования психиатрии, как для социального внезаконного принуждения, так и для самооправдания. Тем самым научно узаконивается как неизбежный реально идущий процесс накопления психической патологии в обществе, снимая всякую ответственность с несостоятельной психиатрической службы.

Идеологизированность советской науки превращает в абсурд ее самою. Ей отводится роль инструмента власти в осуществлении незаконных действий администрации, для псевдонаучной защиты произвола, в ущерб разнообразию жизни. Психиатрия — это часть медицины, и пора бы уже ей стать самой собой: помогать людям в трудные минуты, а не карать по-научному.

ПЯТЫЙ ПУНКТ

Автобус сбил молодую женщину — мать двух малолетних девочек. Она умерла, когда не смолк еще рев сирен и визг тормозов. Известие о смерти полетело, можно сказать, на другую планету — к отцу погибшей в Казахстан. Из Тель-Авива.

...Сплоченная компания студентов весь месяц на картошке, как могла, третировала немногочисленных однокашников-евреев. На раскисшем поле — в измороси и тумане — семнадцатилетние называли семнадцатилетних (с такими же обветренными лицами и руками) и порхатыми жидами, и русофобами, и пособниками фашистов... «Это вы споили Россию! И революция — ваших рук дело! Гитлер не дорезал ваших родителей, но с вами мы разделаемся!» — выкрикнула ражая «патриотка». А главарь-верзила поднес кулак к носу намеченной жертвы: «Ненавижу!..» И получил пощечину — от тоненького русского мальчика с княжеской фамилией. Тогда все — и моя дочь тоже (она только сняла очки, спасая глаза) — загородили собой и мужественного княжича и понурых потомков Авраама... Но боюсь, в душах ребят не скоро заживут кровавые раны, способные толкать на роковые решения.

И вот мы с отцом погибшей у ворот израильского консульства. Нужна въездная виза. «Приходите завтра — с девяти до одиннадцати»,— заявляют нам стражи — как и всем, стремящимся проникнуть в уголок еврейского государства на московской улице. И хотя многие в толпе несравненно активнее и опытнее нас, проходим только мы: телеграмма, извещающая о страшной беде, как говорится, «выстрелила». Завтра этот листок с русским текстом, записанным латиницей, попытается порвать толпа «совков», меняющих свои «деревянные» тысячи на чеки на углу улицы Правды и Ленинградского проспекта. Но сегодня на Большой Ордынке моему другу вынесут анкету и укажут куда войти. Помещение показалось мне похожим на стойло, тем более, что к окошку, как к кормушке, тянулась дюжина голов. Лица просочившихся через строгий кордон и толпу у ворот отнюдь не выглядели еврейскими. Одно — типично грузинское, другое, вероятно,— украинское, но остальные — откровенно русские. Лишь грузин не прикидывался евреем, не уверял заискивающе, что его настоящее отчество — Моисеевич. Он только твердил, что не может разлучиться с любимой учительницей. Хотя сидел за партой если не при царе Соломоне, то, похоже, при царице Тамаре...

К потоку отъезжающих в Израиль примкнули и неевреи — проныры и пройдохи. (Говорят, налажена уже подпольная торговля подходящими метриками.) Но немало уезжает талантливых, уникальных людей. С раной в душе, которой упорно не дают затянуться. Со страхом перед неизвестностью. С тоской о России...

В начале века наиболее дальновидные российские политики (граф С. Ю. Витте, например) с тревогой предупреждали: угнетение и погромы неминуемо бросят евреев в революцию. Ведь антисемитизм (это невероятно жестокое, жаждущее человеческой крови суеверие, абсолютно не совместимое с христианством) обладает гигантской разрушительной силой. Если бы самодержавие, поняв это, перестало натравливать «народное негодование» на бесправную, полузадушенную еврейскую массу, вся история нашей страны в XX веке была бы иной: более светлой и созидательной. Современная волна черносотенства опять несет смертельную опасность. России — в первую очередь! Когда из прошлого не извлекают уроков, оно неизбежно повторяется — только в худшем, трагическом варианте!

Мой друг очень торопился. Успеть на похороны ему помогали все. И билет смогли купить без всякой очереди — за доллары.

Специалист высочайшего класса, человек кристальной души и высокой культуры, ценитель театра и поклонник музеев — он уже без малого сорок лет «трубит» в самой что ни на есть глубокой глубинке. Там, где нефть приходится чуть ли не зубами вырывать из земли. Вот и выдался наконец случай отблагодарить его твердой валютой — за все «черное золото», что он дал стране...

И все-таки он не успел. Но хоть с внучками повидался.

Виктор КУЗНЕЦОВ

Инна Лиснянская

УТРО ОЧИЩЕНЬЯ

* * *

Всё связано,
И потому на всех лежит одна вина,
Все названо,
И потому не называю имена,
Все сказано,
И потому молчу в такие времена.

1 мая 1991

ТРИ СВЕЧКИ

От жгучего укора,
От пламенной вины,
От моего позора
Три свечки зажжены.

И странность есть такая,—
Их не могу задуть,
Они горят, не тая,
А, может, в этом — суть?

Вот так и будет длиться
Дней наших череда:
Мне таять и казниться,
А им гореть всегда.

24 июня 1991

В ДОРОГЕ

Бедные спутники, с вас паутинки
И одуванчиковые сдуваю,
А между тем утопают ботинки
В хляби земной, без конца и без краю.

В этом июльском подобье потопа
Нам не помогут ни весла, ни парус,
Пусть Одиссея не ждет Пенелопа
Или нам под ноги бросит свой гарус.

И не сыщу я меж вас, дорогие,
Мужа Итаки глазами косыми.
Мы из кроссовок ноги босые
Вытащим,— легче ступнями нагими

Хлябь одолеть и взобраться на берег,
Где есть колючая сладость малины,

Где никаких не откроем америк
Кроме того, что мы сами повинны

В хлябях Отчизны. О как вас утешить,
Злых и блаженных, рожденных дорогой...
На горизонте — алчная нежить
Нам угрожает звездой пятирогой.

3 августа 1991

* * *

Я переехала на дачу,
Поближе к истринской воде,
Но плачу. Почему я плачу,
Не плакавшая и в беде?

Два глаза превратились в тучи —
И льется дождь, и нет нужды
В словах, что жить в беде мне лучше,
Чем в ожидании беды.

Зеленый май так беспорочен,
Лишь в дикой яблоньке одной
Кровавый цвет сосредоточен,
Как некий знак перед войной.

2 мая 1989

* * *

Декабрь девяностого года,
Все хрустко и хлестко,—
Ломается резко погода,
Как голос подростка.

По швам все трещит —
И вещь, и о вещи понятье,
Убойный омоновский щит,
Имперское платье.

Меняется резко погода,
И грустно поэту:
Нет в прошлое входа,
В грядущее выхода нету.

12 мая 1991

ЭНЕРГИЯ СЛОВА

И крона поет возле самого крова,
И птица — как будто бы навеселе,
Но будит меня лишь энергия слова
И жить оставляет на этой земле.

Спасибо, словесные русские гнезда,
Вас ласточки лепят, как люди жилье.

Еще мне не поздно, еще мне не поздно
Молиться и плакать во имя твое,

Когда на душе у тебя неспокойно,
Когда в тебе рыцарство перевелось,
Проклятая жизнь,— все равно ты достойна
Молитвы во благо и благостных слез.

Разбудят слова,— и на звонкое небо
С какой-то хрустальной надеждой гляжу,
Там ангелами совершается треба
И кажется мне, что я тоже служу.

Но нет, я не там! На земле бестолково,
Нелепо живу, в голове без царя,
И если живу,— лишь энергии слова,
Энергии слова благодаря.

24 мая 1991

ТРИПТИХ ДОЖДЯ

1

Дождь сегодня прыток
На семи холмах.
Душевный свой избыток
Я схороню в стихах

О том, как сердцу больно
К разлуке привыкать.
О свете мой настольный,
Позолоти тетрадь!

Так цыганкам руку
На рынке золотят,
Когда печаль-разлуку
Охолодить хотят.

Где вы, мои дети?
В темени ночной
Мне расставил сети
Дождик затяжной.

2

Дождь — охотник, я — добыча
Звука монотонного.
Никого уже не клича,
Наглотаюсь сонного.

Пусть сегодня мне приснится
Море Средиземное,
Свечек праздничных седьмица
И вино мгновенное,

И блаженное свиданье
С дочерью единственной,
И волшебное сиянье
Над беседкой лиственной.

3

Дождь коварен, как Вавилон,
Я его пленница.
Если дождик с четырех сторон,
Жизнь не изменится.

И поздновато ее менять,—
Речью рассеянья
Связана с почвой грешная мать
Крепче растения.

21 июля 1991

* * *

Ах эти кущи, ах эти рощи!
Можно сложнее, надо бы проще

Мир отражать в зерцале глазницы,
Чье опущенье — солнцевы спицы.

Ах эти птицы! Мне не до смеха:
Ухо должно содержать в себе эхо

Птичьих речений, ангельских дудок
И человечьих... Мне не до шуток:

Слово есть сгусток зренья и слуха.
Всю свою жизнь я — как повитуха

Подле словесного лона витала,—
Небо берет от земли начало.

Выкидыш неба стал мне итогом,
Ибо хотела сказать я о многом

Пред человеком, а не пред Богом.

3 августа 1991

ОСЕННИЕ ОЗЕРА

Звезд догадливые взоры,
Световые письмена,
Как осенние озера
Михаила Кузмина.

Ну а тот, кого он нянчит
В сердце и в стихах поет,—
Храбрый отрок, хрупкий мальчик
Скоро сам себя убьет.

И озерная осока —
Купидонова стрела —
До одной звезды высокой
Струйкой крови дотекла,

И горит звезда алее
Поминательных свечей,
Всех ушедших я жалею,
Кузмина мне всех жальчей.

Неужели многогрешный,—
С томной музыкой в ладу
И с молитвою утешной,—
Он мне встретится в аду?

4 августа 1991

УТРО ОЧИЩЕНЬЯ

1

Сквозь ресницы ели,
Проступает око утренних небес,
Так на грешном теле
Проступают жилки синие не без
Розовых вкраплений,
Я давно вписалась в подмосковный лес
Тише всякой тени,

2

И дышу покуда
Жизнипребыванья не истает срок
И смотрю отсюда
Сквозь ресницы ели на святой восток:
Да свершится чудо
То, что нам Захария некогда предрек!
Полон изумленья

3

Лес не шевелится,
Даже умолкает птичий телефон:
На пути в столицу
Бог сошел с ослицы и нагнулся Он,
Чтоб воды напиться
Из ковша блудницы нынешних времен
В утро очищенья.

2 июля 1991

У реки

Танго

Именины

всё — жизнь, где природа не отчуждена от человека.

Жесты и позы персонажей Аллы Кращиной поражают своим величавым спокойствием. В них нет ничего лишнего, случайного, хотя художница удивительно рельефно и четко фиксирует самую, казалось бы, незначительную деталь. Душевный облик их предельно ясен и прост и полностью, без какихлибо утаиваний демонстрируется зрителю в жесте, позе, мимике лица. Фактически это не отдельные персонажи, а род человеческий. Можно говорить об их однородности, единокровности, где все выражает единый абсолютный смысл.

Ход истории в концепции Аллы Кращиной подводит к перемещению акцентов самопознания. Вопрос «кто я?» становится подчиненной частью вопроса «кто мы?», приобретая грозную актуальность. Тут на равных правах оказываются лица близких и случайных участников изображенного действия, добрые животные, приобретающие человеческий облик, и люди, сроднившиеся со стихиями. Любая из этих композиций воспринимается как живая часть вселенной, содержащая в себе все ее свойства и качества. По мыслям художницы, вселенная должна подчиняться законам любви, красоты и бессмертия. Это праздничное царство осуществленных идеалов.

И чем зрелее становится художница, тем явственнее и прочно утверждается в ее произведениях концепция безграничности и безбрежности времени. Эволюция времени в творчестве А. Кращиной — это история преодоления его трезвой прозаической последовательности, не знающей обратимости. Время, которое заполняет ее картины, наполнено бесконечностью. Это время цикла, время органического роста, органического старения и органического возрождения. Поток времени не проносится над людьми, а влечет их, обретая некую телесность. Он не мыслим без живой ткани, без среды и реалий нашей непосредственной жизни.

Диалог художницы со временем не отделим от глубокой человечности ее искусства. Именно человечность позволяет ей сохранять абсолютную непосредственность восприятия и видеть мир особыми глазами, как видит ребенок. Она становится для Кращиной естественной самозащитой при соприкосновении с различными художественными течениями нашей стремительно меняющейся эпохи. Она дает ей силу, возможность подняться над всеми проблемами к радостному утверждению красоты бытия и душевной свободы.

ВИТАЛИЙ ПАЦЮКОВ

Григорий Померанц

РЕЛИГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

В начале 1962 года мне предложили написать статью о вульгаризации марксизма в антирелигиозной пропаганде. И в «помощь» мне заказчик принес пару брошюр. Автор одной упрекал Гомера в реакционной религиозной идеологии. Мне стало смешно: Гомер и «идеология»! И как-то вдруг стало ясно, что не было тогда идеологии. Была религия, довольно примитивная, а идеологии не было. Религия старше идеологии, и значит, выражение «религиозная идеология» нелепо. Качество предмета (религиозная) старше самого предмета (идеология), а такое возможно только в стране Льюиса Кэрролла, как улыбка чеширского кота без самого кота.

Потом я возразил самому себе, что, дескать, и религия не сразу возникла. У примитивных племен религии как особой области культуры нет; и экономики, и политики — как ее особых областей — тоже нет. Есть целостность общественной жизни, в которой мифы и обряды сплелись с трудом и праздником, так что их не разделишь, приходится изучать все вместе. И наука изучает примитивные племена как целое (этнография, этнология, социальная антропология). Начиная историю города Глупова, Щедрин совершенно точно выразил это: «Ни вероисповедания, ни образа правления они не имели». Не было ничего отдельного, все было вместе. Обычай еще не разделился на сферы; не выстроены храмы, арсеналы, рынки, нет самых первых специалистов — жреца, ремесленника, воина.

Потом они появились. Примерно за 4000 лет до Рождества Христова в Шумере; в Египте возникает целая область культуры, связывающая человека с вечным, нетленным, придающим жизни незыблемый смысл. Слово «религия» означает связь. Это непосредственная связь жрецов или пророков с таинственной глубиной, это связь жрецов или пророков с народом и, наконец, связь людей, принявших веру, в одной общине. Все это уже было в самых древних цивилизациях, и приметой религии остались развалины храмов. Но идеологии, судя по памятникам, там еще нет. Да и нужды в ней не было. Религия попутно включила в свое «царство вечного» и кое-что из того, что впоследствии стало предметом идеологических споров, но тогда таких споров не было. Все казалось одинаково незыблемым: пирамиды, власть фараонов и цены на хлеб.

Идеология рождается в споре. Она построена на какой-то (пусть очень сомнительной) логике, она делает вид, что доказывает свои тезисы, а в древних мифах и обрядах нет ни тезисов, ни доказательств. Египтяне даже математических формул не доказывали. От учителя к ученику передавалось знание, скажем, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, но доказали это только греки, открывшие доказательство как особую область интеллектуальной культуры. Писавший об этом В. Ф. Турчин заметил, что при общественном строе древнего Египта «доказательство» и не могло возникнуть: старшие не считали нужным доказывать что-то младшим, а младшие не смели требовать от старших доказательств.

Не может быть идеологии, если нет еще философии. Сперва рождается философия и пытается охватить целостность бытия, двигаясь от понятия к понятию, рассуждая по каким-то правилам, не зависимым от предания. Все философские традиции (в Элладе, Индии и Китае) разрабатывают логику, создают логику как науку, и какие-то зачатки логики входят в народный обиход. Только после этого возникает нужда в

идеологии. Пока нет ни ясно осознанных идей, ни «логии» (минимальной логической дисциплины), идеологии нет.

Одна моя приятельница как-то, прибирая могилы дедушки и бабушки на Ваганьковском кладбище, в разговоре со старушкой, сажавшей цветы на соседней могиле, рассказала ей, что ее родня по одной линии (дедушка с бабушкой) были христиане, другая родня — еврейская, сама же она не верит ни по-еврейски, ни по-русски. «Так ведь и Христос был еврей! — воскликнула старушка.— Нам это батюшка говорил.» «Да,— поддержала моя знакомая,— и Христос, и Богородица...» «Богородица? — удивилась старушка.— Откуда ты взяла? Типун тебе на язык!»

Видимо, Христос оставался для этой женщины чем-то далеким — вседержителем на куполе церкви, судьей на Страшном суде... Еврей так еврей; батюшке виднее. А Богородица — своя, родная. И как же это родная матушка-заступница — еврейка? Быть не может! То что мать еврея, по-видимому, еврейка — истина отвлеченная, не прошедшая через сердце. Отвлеченно старушка не мыслила... Во всем этом есть своя цельность, но идеологии на этом уровне нет.

В рамках «логии» можно оспаривать еврейство Христа. Он Сын Божий, и Святой Дух «перекрывает» еврейство матери. С точки зрения армяно-грегорианской церкви этого достаточно. Армяне отвергли решение Халкидонского собора, признавшего Христа вполне Богом и вполне человеком, две природы которого, Божеская и человеческая, соединены неслиянно и нераздельно. Для армян Христос обладает одной природой — Божественной (вселенская церковь называет это монофизитством). И раз Христос только по видимости человек, то он и еврей, «сын Давидов», только по видимости. Но утверждать, что Христос еврей, а Богоматерь русская, возможно лишь до самых первых начатков логически организованной мысли. Вспоминается Герцен: «XIX век только сверху, чуть пониже XIV, а дальше вглубь — готтентоты и кафры различных оттенков кожи». У которых идеологии не было.

Идеология — побочная дщерь философии. Время рождения философии — середина первого тысячелетия до Рождества Христова. Вскоре родилось и само слово «философия», его придумал древнегреческий философ Сократ, желая отделить себя от софистов. Буквально «софист» значит «мудрец», но по сути софисты совершенно порывают с архаической фольклорной мудростью. Их мысль вся основана на индивидуальном артистизме и рассуждениях. Софистов иногда сравнивают с просветителями и видят в них древних идеологов. Для настоящих идеологов им, впрочем, не хватает захваченности социально-политическими и нравственными проблемами; «софизмы» — интеллектуальные игрушки, вроде маленькой паровой турбины, которую древние греки построили и любовались, как она вертится. Скорее можно видеть начатки идеологии в речах древнегреческого оратора Демосфена. Но после падения Афин демократическая риторика тоже стала интеллектуальной игрушкой.

С настоящими просветителями софистов связывает только совершенная уверенность в могуществе своего разума. Сократ говорил: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Он всему удивлялся, все испытывал. Это не годилось для среднего человека, готового перейти от твердого предания к такому же твердому разуму, уверенному в себе разуму,— примерно как у древнегреческого философа Протагора: «Человек — это мера всех вещей, существующих — в том, что они существуют, и несуществующих — в том, что они не существуют». Гуманизм Протагора опьяняет и захватывает, становится (по словам Маркса) материальной силой, оружием эмансипированной личности в борьбе с обычаем. Софистика участвовала в нарастании кризиса племенных и городских (полисных) обычаев, выходом из которого были мировые религии. После этого она сошла на нет.

Идеология снова появилась, когда снова зашатались религиозные обычаи. Название всегда немного запаздывает; слово это возникло на

рубеже XVIII и XIX вв. Этому предшествовала Великая французская революция, а ей — эпоха Просвещения. Я не открываю ничего нового. Вольтер и Руссо не были революционерами, но их идеи, некоторые их идеи, вошли в религиозный катехизис:

Это все революции плод,
Это ее доктрина.
Во всем виноваты Жан-Жак Руссо,
Вольтер и гильотина...

((Гейне)

Фонвизин, побывав во Франции, поражался, что там кучера, дожидаясь седока, читали брошюрки. Эти кучера и прочие санкюлоты, начитавшиеся брошюр, взяли Бастилию, перебили в сентябре 1792 года врагов революции и отрубили голову королю. Наши революционеры тоже были «брошюркины дети». По семейному преданию, Ольга Давыдовна Каменева, урожденная Бронштейн, занимавшая комнату в Феодосии у дедушки моей жены, называла своего мужа, Льва Борисовича, «брошюркин сын». Лев Борисович был, между тем, один из самых образованных, вдумчивых и мягкосердечных большевиков. Прочие «брошюркины дети» были пожестче.

Чтобы разглядеть корни идеологии, следует отступить назад, к расколу западной церкви и религиозным войнам. В Варфоломеевскую ночь одни христиане во имя Христа резали других христиан, захваченных безоружными в постели. После Тридцатилетней войны население Германии уменьшилось втрое. Ни Французская революция, ни даже наша не достигли (в процентном отношении) таких «результатов». Даже Пол Пот... Впрочем, Бог не дал ему тридцати лет. За тридцать лет в союзе с голодом и болезнями многого можно «достичь»...

Чудовищный взрыв религиозного фанатизма заставил лучшие умы отшатнуться от организованной религии. Сложилась философия, говорившая о врожденной человеческой доброте, не нуждающейся ни в каких догмах (из-за которых люди зверели и убивали друг друга). Первым просветителем был очень умеренный мыслитель, лорд Шефтсбери; потом его идеи подхватили французы, придали им воинственный характер Разума, поднявшегося на битву с Невежеством, Суеверием и Предрассудками. Более глубокие сочинения, вроде «Племянника Рамо», в котором разум Дидро сомневается в собственных основаниях, не попали в массовый обиход (так же, как не вошел в марксизм девиз Маркса «во всем сомневаться»). А самые простые, хлесткие идейки пошли в тогдашний самиздат (брошюрки, печатавшиеся в частных типографиях). И санкюлот, прочитавший несколько таких брошюрок, становился носителем самой передовой в мире идеологии.

Ничто не рождается без причины. Одной из причин возникновения идеологии было отвращение от религиозного фанатизма, о чем мы уже сказали. Другой причиной явилось начало стремительных перемен, которые социологи иногда называют модернизацией (осовремениванием) — сперва Запада, потом всего мира. Вплоть до XVII века история двигалась медленно и уже сложившиеся отношения казались незыблемыми, почти вечными. Религии, делавшие первые шаги в малоподвижном обществе, включили ряд несовершенных общественных учреждений в «вечный образ мира». Апостолы учили: рабы, покоряйтесь господам своим... Хотя, строго говоря, отношения между господами и слугами — не религиозная проблема. Суть религии в другом: как найти поворот к целостному и вечному, найти точку покоя, где становится слышным глубинный внутренний голос. Обрядом, молитвой, медитацией религия добивается связи с таинственной глубиной, открывающей смысл жизни. А политические и экономические отношения — это проблемы времени, и они меняются вместе с ним. В современном обществе власть обходится без Божьего помазания, основой хозяйства стал кредит (с канонической точки зрения, греховный), а взрывной рост населения заставляет регулировать рождаемость...

В религии, в поисках духовных основ человек постоянно возвращается к старому, хорошо забытому — и обретает его заново. Духовная цель всегда в неподвижном центре исторической спирали. А на движущейся периферии возникает новое, и надо ориентироваться в этом новом. Такую ориентацию и дает идеология. По крайней мере, первую, приблизительную ориентацию, какой-то (достаточно условный) принцип отбора фактов: либерально — не либерально, прогрессивно — не про-

грессивно, патриотично — не патриотично. Потом оказывается, что и либеральное, и прогрессивное, и патриотическое может быть достаточно гнусным. Но для такого собственного мнения нужна некоторая уверенность в себе, а человек в меняющемся обществе обычно чувствует себя неуверенным, и ему нужны принципы. Вооружившись принципами, либералы возмущаются погромной агитацией, а патриоты — «голыми девками» на обложках журналов...

Идеология — популярная (освобожденная от сомнений и открытых вопросов) система полунаучных взглядов, дающая ориентацию в потоке перемен. Например, Маркс не знал, куда, к какой формации отнести азиатские способы производства. С точки зрения идеологии, это недостаток. Ленин, не решая проблему, просто-напросто ее выбросил и создал стройную модель прогресса, ведущего к коммунизму: рабовладение — феодализм — капитализм — социализм... Исследователи Азии были в отчаянии: Индия ни древности, ни средних веков не вписывалась в схему, зато агитаторы получили в руки отличное оружие убеждения. Философский и научный материал приобретает в идеологии форму катехизиса: на каждый вопрос — твердый ответ.

Иногда говорят об идеологическом догматизме. Это неудачное выражение. Догма — итог глубочайшего духовного поиска, своего рода интеллектуальная икона, полная бесконечного смысла. Например, «Сын единосущ Отцу» (Сын человеческий единосущ Богу); человеческое и Божеское могут быть связаны «неслиянно и нераздельно». Или (если взять другую традицию): «каждый человек по природе Будда, но не каждый это сознает». Догмы передаются массе для благоговейного созерцания, и они достойны этого созерцания примерно так же, как рублевская «Троица». Переделывать догмы — все равно что переписывать Рублева. Догмы — вечные памятники духовной культуры. И ничего подобного догме нет ни в теории классовой борьбы, ни в расовой теории или теории этносов. Там есть другое — тяготение к катехизису. Не случайно Нечаев назвал краткое изложение своих идей «Катехизисом революционера». Такой же катехизис — «Азбука коммунизма» Бухарина и «Красная книжечка» председателя Мао. Цитатник Мао был построен по образцу составленного в XVIII веке сборника афоризмов древнекитайского философа Конфуция. Именно такая грубейшая форма массовой религиозной пропаганды явилась предшественницей идеологической пропаганды. Идеология — движение от философии и науки к катехизису.

Я начал с того, что решительно отделил идеологию от религии. Действительно, по сути это разные вещи. Но они не суть вещи материальные, которые можно просто разложить по полочкам. Есть религия Иова, рвущегося к Богу через бездну открытых вопросов, и религия друзей Иова. Иов к идеологии совершенно не причастен. Другое дело его друзья, точно знающие, почему Бог карает грешника. Они не менее самоуверены, чем древнегреческий философ Протагор, и не меньше Протагора участвовали в становлении идеологии. В вопросах Иова — один из истоков философии, в ответах его друзей — исток идеологии. Не по содержанию (содержание идеологии вообще изменчиво), но по форме, по структуре.

Пытаясь отделить идеологию от смежных явлений (религия, философия, наука), я склонен подчеркнуть один процесс, одну формулу перехода к ним: упрощение. Есть такой термин — редукционизм. В науке редукционизм имеет известный положительный смысл: чтобы проследить один фактор процесса, надо его выделить, обособить, рассмотреть весь процесс под одним углом зрения — какое влияние оказывает этот фактор. Дарвин, Маркс, Фрейд — великие редукционисты, последовательно проследившие влияние, роль естественного отбора или либидо (влечения) или классовой борьбы. Труды редукционистов остаются в истории науки, но дальше наука спрашивает: а где границы естественного отбора, либидо и т. д.? Как этот фактор перекликается с другими? Идеология таких вопросов не задает. Ей не нужен ключ, подходящий к некоторым замкам; нужна отмычка ко всем замкам.

Чисто лексическая примета идеологии — слово «все»: «История всех предшествующих обществ — это история классовой борьбы».

«Именно так зарождалось на семи холмах волчье племя квиритов, ставших римлянами, конфессиональные общины ранних христиан и мусульман, дружины викингов.., монголы в XIII в., да и все, кого мы знаем». Так — то есть, согласно теории Льва Николаевича Гумилева, на основе «подсознательной взаимной симпатии особей». Вокруг «пассионариев» (одержимых каким-то порывом) складывается «консорция» (подобие брака по любви). Победив, консорция становится инерционным телом, «конвиксией» и постепенно распадается (Гумилев Л. Н. Этногенез и ноосфера // «Природа», 1970, № 1, с. 48—50).

Так иногда действительно бывает. Нечто подобное описал (до Гумилева) Макс Вебер в своей теории «харизматического руководства». Вождя, обладающего магнетическим влиянием на современников (Кромвель, Наполеон и др.), окружают последователи, готовые идти ради него в огонь и воду (консорция). После победы происходит «рутинизация харизмы» (конвиксия). Различие между двумя теориями, на первый взгляд, только в терминологии (у Вебера она попроще). Но Вебер никогда не считал харизматическую группу началом этноса и этнос — решающим звеном истории. Вебер создал, по крайней мере, три теории, до сих пор оставшиеся в обиходе науки: 1) теорию рационализации человеческих отношений с природой и «расколдовывания» мира (на примере Библии и протестантизма); 2) теорию идеальных моделей культуры (схематическое описание крупнейших цивилизаций); и 3) теорию харизматического руководства. Каждая теория имела определенную область применения и не пыталась охватить весь исторический процесс. Не случайно Макс Вебер, оставаясь много лет классиком социологии, никогда не порождал идеологию. А теория этносов Л. Н. Гумилева стремительно вытесняет теорию Маркса именно как идеология. «Все, кого мы знаем» — выражение, отталкивающее ученого, мыслителя и привлекающее публику. Вместо классового подхода — этнический подход. Главное — просто...

Л. Н. Гумилев не различает подсознания толпы и сверхсознания зачинателей великих религий, преодолевших вражду племен. Все, что недоступно разуму, сводится к одному: к слепым симпатиям и антипатиям. Преображения чет, и Ветхий Адам никогда не становится Новым Адамом. Никак не объясняется, почему христианство, или буддизм, или ислам, сталкиваясь с новыми «консорциями», не развалились, а покорили себе пассионарных варваров; почему монголы не обратили мусульман и буддистов в шаманизм (а наоборот, сами покорились религии побежденных). Нет никакого понимания сложности исторического процесса, в котором действуют и накапливающиеся изменения (рационализация отношений с природой, рост производительных сил, дифференциация, рост населения), и маятниковые движения (переходы главного акцента культуры на овладение материальными ценностями или на восстановление духовной цельности жизни), и круговые (зарождение, расцвет и упадок явлений), и взрывные...

Теория пассионарных групп (она же теория харизматического руководства) описывает взрывные процессы — и ничего больше. В ней нет даже постановки вопроса о столкновении разных закономерностей, каждую из которых по отдельности можно более или менее рассчитать, но результат их встречи не поддается предвидению. Например, как, с точки зрения теории этносов, подойти к современному клубку экономических, экологических, политических, национальных и духовных проблем? Возникает только идеологическое решение: разойдемся все по своим этносам. Но современная нация не этнос, это конгломерат меньшинств, объединенных любовью к каким-то общим ценностям.

Как укрепить эту волю?

Наука, превращаясь в идеологию, становится полунаукой (термин Достоевского). Подлинная наука неотделима от духа сомнений и постоянно обновляет свои основы. А полунаука утверждает: «Наше учение непобедимо, потому что оно истинно».

Сейчас модно разочарование в марксизме. Но люди, захваченные этой модой, не замечают, что они остаются в плену полунауки. На моей памяти немецкие коммунисты и социал-демократы стали расистами, потом (в ГДР) из расистов снова коммунистами, а теперь в бывшей ГДР

опять рецидивы расизма. Легче из антифашиста стать антикоммунистом, переменить образ врага и предмет ненависти, чем освободиться от них.

Василий Гроссман в романе «Жизнь и судьба» показал удивительную перекличку идеологий двух государств, столкнувшихся в Сталинградской битве. Обе идеологии что-то подхватили из обихода науки, и научные методы, невинные сами по себе, становились угрозой человечеству, попав в структуру идеологии (размышления Штрума).

Не без греха и религия: расколами и борьбой исповеданий, фанатизмом веры в написанное слово религия подготовила психологическую почву для идеологических расколов, идеологических войн и идеологических Варфоломеевских ночей. Современные конфликты — знак двойного кризиса: и религии и науки. Выход из кризиса невозможен без преображения всей культурной традиции. Одного возвращения к старому — до 1917 года — недостаточно. Было бы старое крепко — оно бы и в 17-м выстояло.

Сейчас на развалинах идеологии рационалисты подчеркивают ее связь с религиозной традицией, ее измену принципам подлинной науки, а верующие — ее отход от духовного труда и вечных, освященных религией нравственных норм. Правы и те, и другие. Верно, что идеология тяготеет к «догматизму» (то есть, как мы пытались объяснить, к катехизису. Катехизис — проверенная веками форма обработки масс)...

И верно, что идеология постепенно превращается из полунауки в систему мифов. Хотя мне хотелось бы отделить подлинные мифы от идеологических мифов и легенд. Подлинные мифы создают образ целостного и вечного. Подлинные мифы сохраняют свое обаяние и для философа, сознающего метафоричность образа, но сознающего и то, что иначе, не метафорой, здесь ничего не скажешь. Иначе, не метафорой — «Бога можно почтить только молчанием» (Джордано Бруно). Напротив, идеологические мифы — не метафоры таинственной глубины, а обыкновенная ложь: залп «Авроры», которого не было; Зоя Космодемьянская, склеенная из дневника Зои, пропавшей неизвестно как, и повешенной партизанки Тани (об этом мне рассказывала Фрида Вигдорова, обрабатывавшая рассказ матери Космодемьянской). Это грубо сделанные макеты, подменяющие реальную историю. Из подлинной мифологии, из рационализации мифов выросла философия. Из идеологических мифов — только анекдоты о Ленине и Чапаеве.

Зачем все это понадобилось? И для кого все это делалось? Явно не для ученых: их от идеологической мифологии тошнило. Делалось — для масс, привыкших к массовой религии. Вместо Бога-Христа пропаганда дала народу Бога-Сталина и его угодников. Народ эту подмену принял, потому что религиозные привычки его были довольно аморфными, потому что подлинного Христа церковь до народа не донесла. И сейчас не только рационализм (философский и научный), но и религия должна признать свою вину за прошлое и свою ответственность за будущее. Думаю, что спор веры и разума, подорвавший старую Россию, должен кончиться общим признанием своей вины и общими поисками выхода. Мне кажется, наука должна учиться у религии смирению и понять свое подчиненное место в культуре, дух которой всегда остается тайной, открывающейся только духовному труду. А религия должна учиться у науки и философии методическому сомнению в скорлупе слов, восстанию духа против тирании буквы. Если это случится, идеология сама собой сойдет на подчиненное место — партийных программ и лозунгов. Здесь ее место. А на нашем гербе будут слова маршала Е. Шапошникова: «Ни одна идея не стоит пролитой крови».

Ольга Дядько

РЕАБИЛИТАЦИЯ МЕЩАНИНА!

По сравнению с другими социальными группами, мещанству в советское время сравнительно «повезло». Оно не было признано «эксплуататорским классом» и, следовательно, не подлежало поголовному уничтожению. Однако наряду с крестьянами мещане были признаны носителями «мелкобуржуазной» («мелкособственнической») идеологии и лишены традиционных форм самоорганизации: мещанских обществ, управ и опекунских советов («сиротских судов»). «Несознательный» мещанин надолго сделался объектом перевоспитания агиппропа, неизменным клоуном советского кино и эстрады.

«Новая мораль» и «новая культура», провозглашенные советскими средствами массовой информации в 1920-е, бесповоротно отвергли традиционные мещанские ценности: личную ответственность за все на свете, чувство долга как основы семейной жизни, уважение к прошлому и к старшим по возрасту.

Собственно, эти воззрения, отраженные в христианской литературе, были так или иначе свойственны всем существовавшим в России сословиям. Но именно мещанам почему-то суждено было испить полную чашу возбужденного прессой презрения к «сентиментальности», «собственничеству», «узости интересов». В те годы под этим подразумевалось просто-напросто нежелание людей с мещанской психологией полностью раствориться в производственном коллективе.

Каково же действительное, историческое лицо мещанства, не искаженное позднейшими домыслами?

Звание «мещанин» происходит от слова «место» (в славянских и родственных им языках, например, в чешском, литовском — «място»), некогда обозначавшего город. В русском языке это слово удержалось в уменьшительной форме: «местечко» — так и доныне кое-где называют маленькие города и поселки бывших юго-западных губерний России. Таким образом, исконный смысл звания «мещанин» — «горожанин», «городской житель», или, как говорили в старину, «городской обыватель» — в отличие от обывателя сельского.

Между прочим, согласно этому исконному смыслу, население нашей страны сегодня является примерно на $^2/_3$ мещанским.

В XVIII—XIX веках в России существовало два городских сословия: купцов и мещан. Основную часть мещан составляли ремесленники, мелкие домовладельцы, выкупившиеся на волю крестьяне, занявшиеся каким-либо промыслом, и прочий люд с капиталом до 500 рублей. Скопив 500 рублей и открыв свое дело, они имели право вступить уже в купеческое сословие, и тем самым обеспечить себе ряд привилегий. Имел место и обратный процесс: разорившиеся купцы, беднейшее духовенство, дворяне, порвавшие со своей средой, становились мещанами.

Особыми указами переселялись в города плотники, каменщики, ткачи, а также профессиональные торговцы. Последние иногда сами переезжали в русские города целыми общинами из других стран. В Москве образовалась немецкая слобода, выстроились французские лавки и магазины на Кузнецком мосту и Невском проспекте в Петербурге; персидские, еврейские, греческие кварталы оживили приморские и южно-русские города.

Мещанами по социальному положению являлись фабрично-заводские рабочие начала XX века — сравнительно поздно выделившаяся и немногочисленная социальная группа,— а также маляры, дворники, трубочисты, приказчики в лавках, булочники, мясники, кухарки и прачки, лекари и аптекари, портные, сапожники, банщики, парикмахеры... люди десятков профессий, кормившие работой себя и семью, нередко с 7—8 лет.

К мещанам, как правило, принадлежали и лица «свободных» профессий: подрядчики, биржевые маклеры, юристы, издатели небольших газет, а также писатели, художники, музыканты.

К началу первой мировой войны основным носителем городской культурной традиции в нашей стране было мещанство. Мещанское происхождение имели очень многие интеллигенты, стыдливо именуемые в школьных учебниках «разночинцами», выходцами из мещан были многие купцы и даже дворяне. В это время в России насчитывалось около 8 миллионов мещан.

В 1914—1921 годах города пережили сначала некоторые неудобства (отток трудоспособного населения на фронт и в деревню), а затем — настоящее разорение. А. Хаммер и Дж. Рид — свидетели эпохи гражданской войны — в своих мемуарах рисуют одну и ту же картину полного одичания городов, брошенных жителями в страхе перед голодом и репрессиями. Поэтому, говоря об увеличении численности городского населения в 1930—1950-х, надо иметь в виду, что речь шла не о плавном приросте числа иммигрантов, переселявшихся в город естественным порядком, а практически о новом заселении городов в ходе панического бегства крестьян от насильственной коллективизации, тяжелых условий труда в предвоенных и послевоенных селах.

В тех городах, куда промышленное строительство привлекало больше всего переселенцев, индивидуальное домовладение вскоре перестало существовать. Городская усадьба, сделавшаяся к началу XX века основной единицей застройки провинциальных городов и столичных окраин, почти повсеместно приобрела вид «вороньей слободки»: сначала «в интересах революции», а потом «в интересах социалистического строительства» в уцелевшие частные дома, в бывшие особняки въезжали губкомы и губчека, ответработники, комиссары, «представители угнетенных низов», акционерные общества и конторы. Ладные, гармонично спланированные дома из теса и кирпича превращались в хаотическое нагромождение лестниц, пристроек, фанерных и ситцевых перегородок. Курс на индустриализацию, увлекший в города миллионы крестьян, вынудил городские власти заселять и нежилые хозяйственные постройки: бывшие мастерские, склады, бани, конюшни и даже подворотни. В невероятной скученности, материальной скудости этих лет одна из главных причин распространившегося в городах цинизма, доносительства и озлобления, приписываемого пропагандой пережиткам «буржуйского», мещанского прошлого.

Всеобщая трудовая повинность и массовое обнищание выбросили домовитую мещанку за пределы семейного круга. Пообещав на будущее фабрики-кухни, прачечные и ясли-сады, мещанину — отцу и мужу — стали начислять зарплату не по прожиточному минимуму его семьи, как это делается и до сих пор во всех цивилизованных странах,— а по лично его минимальным потребностям. В результате — разводы, распад семьи, нелюбимые, ненужные дети, заброшенные старики, запущенное хозяйство, вечное безденежье...

Высосав жизненные соки села, город не обогатился. Катастрофическое падение качества жизни, общего культурного уровня горожан стали платой за хвастливые заверения руководства о будущей лучшей, нигде еще в мире не виданной, «счастливой жизни в голубых городах».

Значительная доля национализированного имущества так никогда и не поступила в пользование рядовых горожан. Статистическая отчетность, сравнивая количество объектов культурно-бытового назначения, дает абсолютные цифры. Между тем городское население по сравнению с 1913 годом увеличилось почти в десять раз. И если сравнить, что было в городе с тем, что осталось на душу населения, выяснится, что российский мещанин начала XX века имел перед нынешним горожанином известные преимущества.

Приехав в чужой город, он мог, например, без проблем снять номер в гостинице, постричься, пообедать, сделать покупки, а вечером — сходить в местный театр. И все это — без нервотрепки, без «блата», сообразно своим возможностям: дороже или дешевле.

Никаких справок, дипломов (а часто и денег) не требовалось для посещения библиотек, картинных галерей, естественно-научных музеев, публичных лекций просветительского характера. Мещанство совместно с купечеством на свои деньги благоустраивало города, строило в них церкви и богадельни, школы, больницы, краеведческие музеи; открывало памятники своим выдающимся землякам.

Чтобы снять с мещанина несправедливые обвинения в малодушии и эгоизме, напомним, что вся его история — действительно героическая. Оборона городов от вражеского нашествия в России во все времена велась не только силами регулярной армии, но и ополчением самих горожан. Так было и в царствование Лже-Димитрия, и в Отечественную войну 1812 года, и в Великую Отечественную войну.

Десятки раз российский мещанин, горожанин, отстраивался на пепелище. Конечно, не «классовая теория» вдохновляла его на защиту родимых стен. Вдохновляли его — и теперь вдохновляют! — простые мещанские чувства: любовь к своему дому, семье, к родным могилам, которые нельзя отдать на поруганье врагам. У кого, кроме черствых, бессердечных догматиков, повернется язык упрекнуть его за это в «несознательности», «узости интересов»?

Даже беглого знакомства с историческим материалом достаточно, чтобы увидеть, что жизнь рядовых горожан, мещанства вовсе не была царством «темным», обитатели которого знали лишь каторжный труд, классовую борьбу и беспросветное пьянство. Лишь беглый взгляд на календарь православных праздников показывает, что выходных дней до 1917 было не меньше, а больше, чем нынче. И практичный и трезвый мещанин умел хорошо их использовать.

Усадебная застройка большинства городов и предместий позволяла любителям-садоводам (а их в каждом городе насчитывались сотни) составлять коллекции плодовых деревьев, цветов; любители птиц и другой мелкой живности выписывали и разводили особые породы кур, кроликов, голубей, канареек. Объединение в различные общества, участие в ярмарках и сельскохозяйственных выставках, издание газет и журналов было нормальным явлением среди мещан.

В общей массе кружков и просветительских организаций политические, а тем более революционно-террористические кружки, составляли малозаметное меньшинство.

Гораздо чаще в провинции можно было найти кружки любителей истории и словесности, ботаники, химии, математики. Любители — купцы и мещане — пели в хоре, играли в оркестре, участвовали в театральных постановках. Задолго до появления советских ПКиО фак-

тически в каждом уездном городе был свой общественный парк, в котором устраивались праздничные гулянья; летом молодежь каталась там по реке или пруду на лодках, а зимой — на коньках. Масленичные катания с гор, стрельба в тире, выступления заезжих артистов и дрессировщиков, праздничная иллюминация не были редкостью в Нижнем Новгороде, Самаре и в десятках других городов.

В конце XIX века удачный опыт московского книгоиздателя И. Д. Сытина (кстати, выбившегося в купцы из крестьян) положил начало массовому изданию мещанской литературы практического характера: календарей, поваренных книг, путеводителей по городам и монастырям, альбомов, вышивки, резьбы по дереву, росписи.

Средоточием личных интересов мещанина был его дом — обычно деревянный, на каменном основании, с небольшим двором и садовым участком. Такой дом иногда делился между наследниками, по частям сдавался внаем,— но строился, в основном, в расчете на одну большую семью. Он был своеобразным живым организмом, естественно разрешавшим многие трудности наших дней: проблему психологической совместимости членов семьи и проблему досуга, проблему экономии материальных ресурсов и экологической чистоты жилой зоны. В уходе за садом и огородом, воспитании детей, рационализации быта воплощалось для мещанина и мещанки «светлое будущее», от которого они не ждали ни чудес, ни поблажек. Они ценили труд не только как источник личного обогащения, но и как возможность помочь своим близким, соседям. Усыновление сирот, раздача милостыни были в обычае в мещанской среде.

Из этого-то скромного труженика и семьянина Горький, Светлов, Маяковский, «революционные романтики» и другие вылепили гадкий образ жадного склочника («мурло мещанина»!), доныне отпугивающий всякого, кто осмелится воздать должное культурной традиции русского города — по большей части именно мещанской традиции.

Нынешний потомственный горожанин любой европейской страны, «буржуа», аккуратно рассортирует по контейнерам бытовой мусор, спокойно повесит трубку неисправного автомата, не видя ничего для себя унизительного в том, чтобы бережно обойтись с собственностью своей городской общины. У нас же потомки мещан небрежно свалят отходы мимо бачка и пнут телефонную будку: мол, не таков я, чтобы тут церемониться по мелочам! Не крохобор я, не мещанин... Загаженные подъезды, истоптанные газоны, разбитые стекла и фонари. Засаленны руками, исписанные похабщиной, заляпанные обрывками объявлений стены домов, годами незасыпаемые канавы... Все это следствие разрушения целого общественного слоя, основавшего наши города. Кто поверит, что в барских парках мыли с мылом деревья? А всюду и нынче моют — шампунем — улицы. Кто поверит, что в Москве еще только в начале века в каждом дворе дежурил усатый дворник с метлой? А у мраморных статуй в Летнем саду в Петербурге гуляющая публика не отбивала носы, пальцы и фиговые листочки?..

Но самое нелепое, самое невероятное то, что многие нынешние горожане взирают на хаос коммунальных дворов с чувством неловкости и тоски; они хотели бы, могли бы поправить дело, да... стесняются. Стесняются быть осмеянными. Особенно — молодежь.

Да и может ли быть иначе, если десятилетиями замалчивалась история городских сословий России, их бытовые традиции? Прочно забыты обычаи складчин и «помочей», безвозмездного общего труда дореволюционных времен на благо всего квартала, улицы, города. Поставленные общим трудом или на общие деньги мосты, мельницы, часовни берегли; их чинили, чистили «по обету» — по очереди. Коммунистические субботники, тимуровское движение и рейды народных дружинников потому и привились на российской почве сравнительно быстро, что воспроизводили привычные, давно устоявшиеся традиции взаимопомощи горожан, правда, с 1918 года облеченные в новую идеологическую форму.

Как грустно, что учебная литература знакомит новые поколения горожан не с этими традициями и не с реальными историческими деятелями, обогатившими нашу городскую и общенациональную культуру — Строгановыми, Щукиными, Боткиными, Демидовыми, а с надуманными «типичными персонажами»: кабанихами, дуньками толстопятыми, кувшинными рылами всех мастей и оттенков. Целый мир, населенный изгоями и уродами, был создан литературоведами советской поры вокруг сатирических произведений Гоголя, Салтыкова-Щедрина, пьес Островского. В этом аду, громко именуемом «бытом дореволюционной России», до сих пор блуждают школьники и студенты — и не находят никого, никаких положительных героев, кроме бездеятельных болтунов, самоубийц, искателей приключений. «Лишние люди», «непонятые люди», «люди, опередившие свое время...»

С этим тяжким грузом «надмирных запросов» наш современник выходит в жизнь, ищет профессию, пытается основать семью. Надо признать, это дается ему чем дальше, тем труднее. В самом деле, легко ли наладить быт, считая решение бытовых вопросов ниже своего достоинства?

Легко ли удовлетвориться малым инженерским окладом, если официальная мораль спор между «умеренностью и аккуратностью» и бегством за рубеж («Карету мне, карету!») разрешает в пользу бегства? Огромное количество эстрадных песен обещало и обещает молодым людям счастье только вдали от дома («Мой адрес — не дом и не улица...», «Светит незнакомая звезда...» и т. п.). В практическую плоскость переводят этот призыв оргнаборы, всесоюзные стройки, а теперь еще — обещание больших заработков за рубежом.

Может, пора, наконец, отпустить на свободу душу советского обывателя, перестать делать из него то врага, то героя, то вестника светлого будущего? Почему бы не признать, что любовь к человечеству и ко всей нашей планете рождается только от любви к своему дому и своей семье, к своему скромному месту под солнцем и своей профессии, но не помимо всего этого и не вместо всего этого?..

Давайте отменим анафему мещанину и мещанскому образу жизни? Идеалы мещанства были не так уж плохи...

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 9 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 9. Запевала. 11. Виртанен. 12. Лерка. 13. Заболонь. 14. Джакарта. 15. Непер. 16. Саперави. 17. Амуниция. 18. «Квант». 21. Оркестр. 25. Марибор. 28. Евтерпа. 29. Итуруп. 30. Романс. 31. Критика. 32. Баккара. 36. Танкист. 40. Кавал. 43. Стамеска. 44. Антрацит. 45. Терем. 46. Политура. 47. Бенгалия. 48. Лётка. 49. «Товарищи». 50. Диапазон.

По вертикали: 1. Бакалавр. 2. Веронезе. 3. Лаборант. 4. Тальник. 5. Квадрат. 6. Арматура. 7. Паганини. 8. Нейтрино. 10. Труппа. 19. Витрина. 20. Нереида. 22. Котик. 23. Саржа 24. «Репка». 25. Марат. 26. «Ромэн». 27. Бонди. 33. Астроном. 34. Комбинат. 35. Распутин. 37. «Алтынчач». 38. Кракатау. 39. Свиридов. 40. Катализ. 41. Верста. 42. Ламбада.

Валентин Берестов

КАК Я ПИСАЛ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН

Летом 1959 года я получил из Союза писателей неожиданное послание на официальном бланке. Там говорилось, что все прежние попытки создать новый Государственный гимн СССР не увенчались успехом. Но сейчас предпринимается еще одна, для чего меня и приглашают на Старую площадь в ЦК КПСС к такому-то часу и такому-то подъезду. Приглашение было подписано нашим писательским старостой Константином Фединым. За неимением партбилета я взял паспорт и направился по указанному адресу, чтобы получить заказ на Государственный гимн. Был мне тогда тридцать один год.

Зал, обшитый празднично поблескивающими деревянными панелями, был полон знаменитыми поэтами и композиторами. Круглолицый и почему-то веселый Твардовский вел под локоток своего друга, задумчивого, плохо видящего Исаковского. Как бы к чему-то прислушивался отрешенный от всего Шостакович. Улыбалась совсем молодая Пахмутова. Увидев ее и Евгения Винокурова, я перестал ощущать себя единственным представителем младшего поколения, облеченным доверием партии, и принялся более спокойно наблюдать за происходящим.

Неожиданно в стене справа от меня обнаружилась дверь, и оттуда каким-то пионерским шагом, выстроившись по рангу, а получилось, что и по росту, вышли Суслов, Фурцева и Поспелов. Ожившие портреты шли в ногу, с бодрой отмашкой рук, словно руководство пионеротряда, которому сегодня на линейке поручено поднять флаг. Мы, так сказать, в едином порыве встали и по тогдашнему обычаю долго и громко аплодировали им. А они, встав за стол президиума, отечески похлопали нам. Затем Суслов вышел на трибуну и отчеканил нечто вроде короткого рапорта, почти целиком состоявшего из цифр, а точнее процентов, каждый из которых намного превышал сотню. Сталь! Прокат! Посевные площади!

Покончив с процентами, Суслов сделал паузу, насладился нашим энтузиазмом и сообщил, что все это произнесено для того, чтобы нас вдохновить. На прежний конкурс подавались уже готовые гимны с текстом и музыкой. Так вот почему одно время по радио звучало столько песен о родине, сочиненных знаменитостями! Но теперь, как сказал Суслов, сначала пройдет конкурс одних только текстов. Их напишут собравшиеся в зале поэты. Если напишется подходящий текст, то на него сочинят музыку сидящие в этом зале композиторы. После композиторского конкурса, в случае успеха, поэту и композитору — Ленинская премия, а каждому участнику, если я верно запомнил, по две тысячи рублей.

Значит, подумал я, получится у меня гимн или не получится, но в зале уже сидят два неведомых благодетеля нашей семьи, две тысячи для нас неплохие деньги. Что же касается провала предыдущего конкурса, то Суслов объяснил его тем, что неточно, а вернее слишком уж точно было сформулировано задание:

— Мы написали для вас подробную разработку того, что непременно должно найти отражение в тексте гимна. Теперь мы ее вам не даем. Пишите свободно, как вам подсказывает сердце. В прошлый раз все поэты добросовестно отнеслись к разработке. Все наши требования и пожелания были вами учтены. Но не было этого... ну, как его? — Суслов обратился к Фурцевой.— Екатерина Алексеевна, подскажите, чего не было.

Фурцева поджала губы и склонила голову.

— Петр Николаевич! — обратился Суслов к теоретику Поспелову.— Не было чего? Помогите сформулировать!

Поспелов тоже поджал губы и опустил глаза. Суслов с надеждой на подсказку поглядел в зал. Однако искать формулировку пришлось в одиночку:

— Не было... Как вам сказать... Ну, как ее? Минуточку! Стоп! — и он торжествующе глянул на продолжавших мучительно размышлять соратников.— Поэзии не было, вот чего! Да-да, товарищи поэты! Не было поэзии!

После речи Суслова к столу президиума подбежал Алексей Сурков и, не поднимаясь на трибуну, от имени поэтов, участников этой исторической встречи, объявил, что все мы считаем себя мобилизованными. И все мгновенно разошлись.

Государственный гимн Советского Союза я вместе с первыми главами своей «археологической» повести «Приключений не будет» сочинял в Малеевке, в доме творчества. Там же я встретил Евгения Винокурова. Хотел заговорить с ним о гимне, но Винокуров перевел разговор на Достоевского. Я бродил по уединенным тропинкам, напевая будущий гимн шестой части планеты. Мелодия у меня выходила лучше,— до сих пор помню, как звучал припев. А вот стихов не помню. Что-то утопическое, вроде «Мы строим мир и счастье вечное для всех людей, для всех детей Земли».

Осенью я смущенно отдал текст секретарю конкурса поэтов Игорю Сенькову. До композиторов дело не дошло. Новых торжественных песен о родине не пелось, никаких денег за проделанный труд никому не выдали. Ни один из наших текстов не пригодился. Ни в одном не было этой... Как ее?

Июль 1991

ЕЩЕ ПРО ОСТРОВ КОММУНИЗМА

Эту встречу с Хрущевым уже описал Владимир Тендряков. Правительственную дачу в Семеновском, по Каширскому шоссе, он назвал Островом Коммунизма. Но можно и кое-что добавить к его рассказу. Например, он ничего не написал про то, как мы с ним на зависть остальным деятелям науки, литературы и искусства, приглашенным в Семеновское, славно плавали в партийно-правительственном пруду. День был очень жаркий, и приглашенные делились на две категории: одни в черных костюмах при галстуках, на женах длинные вечерние платья, другие — налегке, по-летнему.

Мы с супругой из нашей двенадцатикомнатной коммуналки в Зачмоне (бывший Зачатьевский монастырь) собирались ехать на прием, так сказать, в строгом варианте, для чего одолжили у певицы Киры Смирновой ее концертное платье с блестками. Но у Елены Николаевны, соседки, оказалось ненадеванное легкое и веселое ситцевое платье,

надел чью-то импортную безрукавку, и с полного одобрения соседей мы в этом легкомысленном виде направились к гостинице «Москва», где правительственные автобусы ждали тех, кто не располагал собственным автотранспортом.

У входа в усадьбу приверженцы обоих стилей одежды оглядывали друг друга, пытаясь понять, кто же оделся как положено. Помню прямой прозрачный ручей, где как на конвейере стояли и только не мчались вместе с водой, а охлаждались в ней бутылки с боржомом. Дальше — пруд с пляжными кабинами, стальная вода под белесым от зноя небом. К ужасу жены я решительно двинулся в одну из кабин, обнаружил там висящие в полном порядке плавки, поймал одобрительные взгляды неподвижно высившихся на берегу смуглых атлетов, переоделся и — бултых в прохладные волны, где и поздоровался с Тендряковым. Дальше с шумом плыл еще один купальщик, который, увидев меня, сказал с волжским оканьем:

— Мелко плаваете, товарищ Берестов!

Это был сам Алексей Сурков, наш писательский руководитель. Я со спокойной совестью лег на спину, глядя в небо, и нежился в пруду, пока не заметил, что купаюсь в единственном числе. Сурков и Тендряков давно уже поднялись на берег Острова Коммунизма. Ушли и загорелые атлеты. И лишь моя супруга беззвучно, как в немом кино, махала руками с берега. Вылезаю, одеваюсь, иду следом за женой. «Вот ты всегда...» — горестно вздыхает Лариса.

С пригорка по аллее навстречу нам катился какой-то живой колобок. Приглядевшись, увидел, что он целиком состоит из руководителей партии и правительства, одетых в вышитые украинские рубахи. В голове колобка — Хрущев и Ворошилов. Перед колобком, пятясь и приседая, щелкали аппаратами фотографы. Один из них, Миша Трахман из «Литературки», успел на бегу поздороваться со мной.

Лариса забилась в куст и приветственно махала оттуда рукой. Я же, делать нечего, прятаться не стал и, когда фотографов куда-то отнесло, почтительно поклонился руководству страны. Колобок на мгновение сделался ниже, политбюро в полном составе отвесило мне ответный поклон. «Клим, по-моему тут слишком жарко»,— сказал Никита Сергеевич. И колобок покатился вверх по склону.

Распорядитель проводил нас к длинному столу, где перед двумя свободными стульями лежала карточка с моей фамилией и красиво отпечатанное меню. (Тендряков взял такой же листок с собой и включил меню в свой рассказ.) Нас усадили между скульптором Томским и прозаиком Михаилом Бубенновым. Не обращая внимания на такую шушеру как мы, они продолжали обмениваться репликами. Один конец нашего стола почти упирался в концертную эстраду, куда прямо из-за столов выходили знаменитые певцы и музыканты, другой дотягивался до стола президиума, обращенного к эстраде. Над эстрадой и столами были натянуты тенты, розовые в белую крупную полосу. Лариса то и дело откидывалась вместе со стулом в проход, чтобы лучше разглядеть Хрущева. Тот заметил ее и энергично погрозил ей пальцем. «Вот ты всегда!» — позлорадствовал я.

Ритуал был такой. Кто-нибудь из членов политбюро произносил тост за отведенную ему на время обеда отрасль советской культуры. Затем поднимался крупный деятель этой ветви творческой интеллигенции и, захлебываясь от счастья, благодарил партию и правительство, а главное — лично Никиту Сергеевича, скажем, за заботу о нашей многонациональной литературе. Дальше все пили, ели и слушали исполнителей, выходивших на эстраду. Мне особенно запомнилась Бэлла Руденко с ее «Соловьем». И опять вставал один из членов политбюро в вышитой рубахе с бокалом в руке.

Не все ответные слова были подобострастными. Президент Академии наук химик Несмеянов вместо плетения словес сообщил, что главные открытия делаются теперь на стыках наук, и что его любимая химия дошла уже до синтеза продовольствия из неживой материи. Причем первой синтетической пищей стала такая сложная, изысканная закуска как черная икра. Президиум, не дождавшись себе похвал за эти успехи, был несколько разочарован. Хрущев даже перебил оратора:

— Налегайте на еду, пока настоящая!

Кто-то, чуть ли не Брежнев, провозгласил тост за советскую музыку. Отвечать пришлось Шостаковичу. Он встал и, запинаясь, предложил выпить за тех, без кого наша музыка просто не существовала бы. (За столом президиума приосанились.) За тех, кто в сущности дает жизнь каждому произведению советских композиторов... Мне стало жаль Шостаковича: и он туда же!

— За тех, кому мы обязаны всеми своими победами,— продолжал Шостакович.— А поражения — это уже наша, так сказать, вина,— он выдержал паузу и закончил: — За исполнителей!

Вот, оказывается, кому предназначались самые громкие, самые искренние слова, сказанные на этом приеме!

А под конец встал Хрущев и без бумажки, с вечными «э-э-э», которыми сопровождалась всякая его импровизация, сказал, что несколько лет назад на прошлой его встрече с творческой интеллигенцией, когда пришлось кое-кого поругать, природа была с ним заодно: над Семеновским сверкали молнии и гремел гром. Зато сейчас, когда он так тепло ко всем нам относится, солнце светит в полную силу, даже с избытком.

— Гаер! — довольно громко сказал через наши с женой головы Бубеннов Томскому. А ведь Хрущев в прошлую встречу старался именно для таких деятелей как наши соседи по столу. Уж если опять раздастся гром, то не над их головами.

Между тем Никита Сергеевич принялся думать вслух о коммунизме. Если коммунизм так близок, то как же все-таки осуществить равенство? Ведь люди никогда не будут абсолютно во всем равны, у всех разные силы, разные способности. Нужно что-то сделать, чтобы никто не страдал даже от такого неравенства, чтобы все были счастливы, иначе какой же это коммунизм.

Бубеннов с Томским снисходительно переглянулись. Зато мысли о равенстве неожиданно принял в душу официант, стоявший с полотенцем через руку у столика с посудой. Он ощутил равенство с руководителем великой державы, социалистического лагеря и мирового коммунистического движения и обратился к нему по-свойски:

— Никита Сергеевич! Про Кубу ничего не сказали!

Хрущев поглядел в его сторону так, будто заговорила суповая миска. Ничего подобного не было за всю историю российской государственности! Но вспомнив свои же слова о коммунизме и равенстве, смягчился и проворчал:

— Газеты читай! Газеты!

Июль 1991

ПОДПИСЧИКАМ «ГОРИЗОНТА»-1992!

В будущем году редакция журнала, как и было обещано, организует сбор заказов от подписчиков на издания, выпускаемые «Горизонтом».

Это будут книги:

Лидия Чуковская. **СТИХОТВОРЕНИЯ**

Галина Вишневская. **ГАЛИНА. ИСТОРИЯ ЖИЗНИ**

Роберт Брюс Локкарт.
ВОСПОМИНАНИЯ БРИТАНСКОГО АГЕНТА

СУДЬБА СЕРГЕЯ ЭФРОНА. СБОРНИК

Корней Чуковский. **СКАЗКИ**

Дора Штурман и Сергей Тиктин. **СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНЕКДОТА**

Д* (Ирина Медведева-Томашевская).
СТРЕМЯ «ТИХОГО ДОНА»

Голда Меир. **МОЯ ЖИЗНЬ**

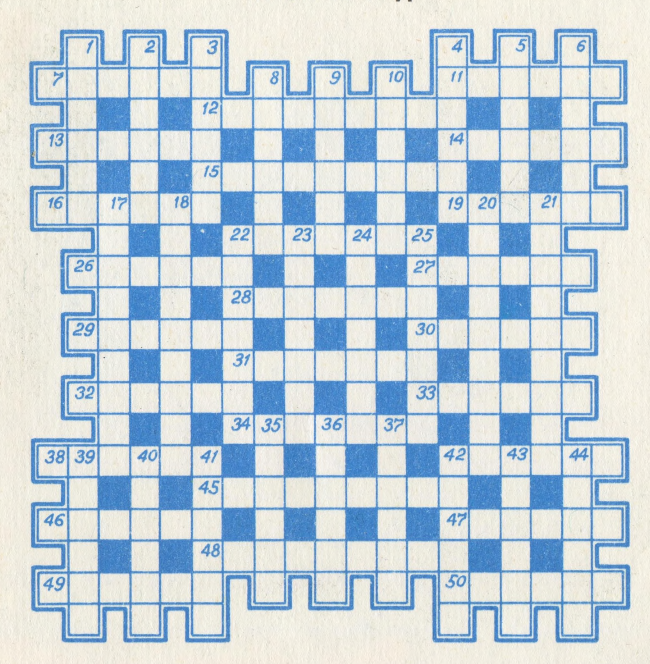
Часть из этих книг уже находится в производстве, другие — готовятся к сдаче.

В номерах журнала будут помещены отрывные талоны, по которым подписчики смогут сделать заказ на заинтересовавшую их книгу.

Книги будут рассылаться наложенным платежом.

Публикация каждого талона будет сопровождаться подробным описанием книги, указанием ее цены и ориентировочной стоимости пересылки.

КРОССВОРД

По горизонтали: **7.** Род загадки. **11.** Участок земли для выращивания овощей. **12.** Прибор для измерения степени нагрева или охлаждения. **13.** Пучина, глубокая пропасть. **14.** Порт в Северной Италии. **15.** Старинный славянский праздник. **16.** Рассказ А. Чехова. **19.** Французский естествоиспытатель, предшественник Ч. Дарвина. **22.** Платье без рукавов. **26.** Приток Енисея. **27.** Древнее название Испании. **28.** Опера А. Даргомыжского. **29.** Короткий морской пролив. **30.** Глава казацкого войска на Украине XVII—XVIII вв. **31.** Недавно изданная книга. **32.** Самая яркая звезда на небе. **33.** Действующее лицо поэмы А. Пушкина «Руслан и Людмила». **34.** Древнерусский глиняный сосуд X—XII вв. **38.** Издательство в Москве. **42.** Сборка и установка сооружений. **45.** Слово, образованное перестановкой букв другого слова. **46.** Порода собак. **47.** Гостиница в Москве. **48.** Право пользования чем-либо на определенный срок. **49.** Низменный остров в Финском заливе. **50.** Слово, звучащее одинаково с другим словом, но отличное от него по значению.

По вертикали: **1.** Одно из основных средств массовой информации и пропаганды. **2.** Струнный щипковый музыкальный инструмент. **3.** Ковер для борьбы дзю-до. **4.** Архитектурно оформленный вход в здание. **5.** Забавная, смешная сторона чего-либо. **6.** Балет А. Адана. **8.** Живопись водяными красками по сырой штукатурке. **9.** Минимальная единица звукового строя языка. **10.** Действующее лицо пьесы А. Островского «Таланты и поклонники». **17.** Вид сценического искусства. **18.** Древняя славянская азбука. **20.** Местное отделение какого-либо учреждения. **21.** Художник, изображающий животных. **22.** Столица автономной республики в РСФСР. **23.** Жидкая лекарственная форма. **24.** Построение пехоты и конницы в Древней Греции и Македонии. **25.** Река в Северной Америке. **35.** Человек, обладающий даром красноречия. **36.** Договор морской перевозки грузов. **37.** Трагедия Шекспира. 39. Русский советский писатель. **40.** Небольшой олень. **41.** Промысловая рыба. **42.** Скульптор, автор памятника Минину и Пожарскому в Москве. **43.** Древнерусский писатель, летописец. **44.** Органическое соединение, применяемое в производстве красителей.